

АЛЕКСАНДР
СУХОВ

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

МЕЖ МИРАМИ СКОЛЬЗЯЩИЙ

Меж мирами скользящий

Александр Сухов

Меж мирами скользящий

«ЭКСМО»

2009

Сухов А. Е.

Меж мирами скользящий / А. Е. Сухов — «Эксмо»,
2009 — (Меж мирами скользящий)

Ивэн Вериск – опытный маг-мошенник, способный перемещаться между реальностями. Россия XXI века для него лишь один из множества миров, в которых можно проворачивать незаконные делишки. Однако именно здесь он внезапно ощутил, что ненароком ввязался в крупную игру, ставки в которой оказались слишком высоки даже для него. Кто-то тратит невероятное количество усилий и энергии, чтобы уничтожить Меж Мирами скользящего. Вериск вынужден открыть охоту на тех, кто объявил охоту на него...

© Сухов А. Е., 2009

© Эксмо, 2009

Содержание

Пролог	5
Глава 1	11
Глава 2	22
Глава 3	32
Глава 4	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Александр Сухов

Меж мирами скользящий

Пролог

Хмурый, как пасмурный день, Скрат стоял на крыльце своего дома и, попыхивая трубкой, решал насущную на данный момент проблему: стоит ли ему посетить сортир или тут же, не сходя с места, оросить и без того мокрые от дождя деревянные ступени. Несмотря на всю свою смехотворность, задача оказалась довольно сложной: с одной стороны, Скрат был исправным хозяином и аккуратистом, требовательным не только к людям, но и к себе; с другой – ему ужасно не хотелось мокнуть под этим проклятушим дождем, неустанно льющим с небес вот уже на протяжении двух месяцев. Не привыкший к более или менее интенсивным умственным нагрузкам мозг крестьянина тщательно взвешивал все «про» и «контра». Все-таки реальная перспектива насквозь промокнуть самому и испачкать в грязи новенькие лапти и онучи подвигла мужчину, преодолев врожденный стыд, справить малую нужду прямо с крыльца.

Удовлетворив естественную потребность организма, Скрат в который раз с тоской посмотрел на небо и, как обычно, не увидел на нем ничего обнадеживающего. Все те же низко нависшие свинцовые тучи, отделившие мир от благодатного дневного светила непроницаемой пеленой, все тот же дождь, успевший надоесть хуже горькой редьки, и непролазная грязь – неперенный спутник всякого ненастья.

Вид монолитного, как скала, серого неба, низвергающего на головы ни в чем не повинных обитателей Малых Рыбиц избыточное количество влаги, направил неторопливое движение мыслей мужчины в несколько иное русло. Две недели назад местным крестьянам пришлось распрощаться с надеждой получить хотя бы какой-нибудь урожай зерновых. Еще пара дней такого дождя – и корнеплоды, так же как зерно, сгниют, что называется, на корню. Вот тогда многочисленное горластое семейство Скрата ждет целая пропасть проблем. Мужчина вспомнил, как давным-давно, еще в раннем детстве, Малые Рыбицы постигла точно такая же беда и как люди, подъяв заготовленные припасы, принялись за собак, кошек и даже крыс. После той голодной зимы выжила едва ли половина взрослого населения деревни, а что касается детей и стариков – их осталось раз-два и обчелся. Самое страшное, что хоть волком вой, а помощи ждать обитателям Малых Рыбиц неоткуда: население прочих окрестных деревушек находится точно в таком же положении, а лендлорд преспокойно отсидится за высокими стенами своего замка, и горести арендаторов его мало волнуют – эти подохнут, бабы еще нарожают.

Желудок Скрата спазматически сжался, отзываясь явственной болью на воспоминание о том, как его добрая бабушка во время той голодухи отпаивала внука отваром ивовой коры и еще какой-то дряни. Горькое пойло на время отбивало аппетит, но очень скоро желание что-нибудь съесть вновь возвращалось с удвоенной силой. Затем мужчина ощутил во рту божественный вкус щей, сваренных из молодой весенней крапивы и нежных побегов лебеды. По прошествии многих лет никакое, даже самое изысканное блюдо не казалось ему столь восхитительным, поскольку лишь с появлением первой зелени его изголодавшееся за ту голодную зиму брюхо наконец-то получило хотя бы какую-то пищу в достаточном количестве. Впрочем, какие могут быть изысканные блюда в семье обыкновенного крестьянина, гнувшего спину на арендованной у богатея-лендлорда земле? Лепешка, выпеченная из ржаной муки грубого помола, шмат свиного сала, пареная репа да кружка ячменного пива домашнего производства – вот и все немудреные яства, коими время от времени может побаловать себя землепашец. А теперь, в связи с разразившимся пару месяцев назад ненастьем, хоть сейчас ложись и протягивай ноги – еще одной лютотой зимы ни ему, ни его многочисленному семейству не пережить.

Точно так же думали и другие обитатели Малых Рыбиц. Те, кто был помоложе и не обременен многочисленным потомством, не дожидаясь повального голода, собирали нехитрый скарб и бежали из деревни. Кто в ближайший город, надеясь до холодов хоть как-то обустроиться на новом месте и пережить надвигающуюся голодуху каким-нибудь ремеслом или попросту попрошайничеством. Кто-то пополнял банды лесных разбойников, промышлявших на большой дороге, рискуя рано или поздно быть зарубленным острым мечом наемного охранника купеческого каравана, четвертованным топором безжалостного палача либо самым банальным образом зарезанным при дележе добычи своим же коллегой по разбойному цеху.

Будь Скрат лет на десять моложе и не будь у него за душой кроме законной супружницы еще семерых мал мала меньше по лавкам, он бы, не задумываясь, слинял из родной деревни куда глаза глядят. Но в своем теперешнем положении отца семейства он не мог себе позволить совершить столь безответственный поступок, поскольку прекрасно осознавал, что без него они не протянут и месяца.

Мужчина вновь взглянул на серое, как сама неизбежная безысходность, небо, и вдруг им овладело непреодолимое желание высказать Небесам все, что он думает о безответственном равнодушии забывших свои прямые обязанности богов, коим он даже во время голодухи не забывает выделять самый лакомый кусок, вырывая его изо рта своих изголодавшихся чад. Все-таки он сдержался – не хватало ко всем прочим бедам навлечь на свою плешистую голову гнев Высших Сил. Так хоть какая-никакая надежда на светлую загробную жизнь, а прогневишь небожителей, и этого не останется.

«Хоть бы дождь прекратился, – подумал отец семейства, – за грибами, что ль, сходил бы – все веселее, чем дома сидеть».

Выкурив до конца трубку, Скрат хотел было вернуться в избу, чтобы компенсировать сосущее бурчание в животе сладкими сновидениями. Хотя какие уж тут «сладкие сновидения» на жестких полатах рядом с горлающими на все лады голодными домочадцами и вечно недвольной супругой.

Он уже взялся за ручку двери и намеревался распахнуть ее, как в паре шагов от крыльца непонятно откуда материализовалась долговязая, закутанная в непромокаемый кожаный плащ фигура. Скрат был готов поклясться, что всего лишь мгновение назад незнакомца не было во дворе его дома, но самым удивительным во всем этом представлялось то, что подкрасться незаметно долговязый не мог, поскольку ближайший раскидистый куст сирени, из-за которого кто-либо мог бы выскочить, рос шагах в десяти. Оставалось предположить, что незванный гость либо действительно материализовался из ниоткуда, либо Скрат задумался и банальным образом прошляпил сам момент его приближения к дому.

Крестьянин хоть и был глубоко набожным человеком и регулярно посещал храм Семи Богов, но, как существо здравомыслящее, не то чтобы отрицал само существование каких бы то ни было чудес, просто никогда не допускал даже малой вероятности того, что хотя бы самое незначительное чудо может произойти в его присутствии. Поэтому он тут же отогнал мысль о том, что незнакомец материализовался из воздуха, решив, что за всеми накопившимися на него проблемами стал полнейшим растяпой и ротозеем.

Между тем закутанная в непромокаемый плащ фигура обратилась к замершему на месте крестьянину низким мужским голосом:

– Ты Скрат по прозвищу Смышленный?

Перед тем как открыть рот, Скрат на мгновение задумался, правильнее будет сказать – выдержал паузу, поскольку, как всякий уважающий себя человек, не любил спешки в делах, а в разговорах – тем более. К тому же низко надвинутый капюшон не позволял рассмотреть лицо незнакомца. Этот факт здорово нервировал Скрата.

– Ну, допустим, я и есть Скрат Смышленный, – ответил мужчина, оставив бесполезные попытки рассмотреть скрытое капюшоном лицо пришельца, а про себя подумал: «Интересно,

что это за тип явился по мою душу? На сборщика податей не похож, да те по одному не ходят. Купец или оптовый скупщик? Также мало вероятно. Может быть, ученый – эвон развелось их нынче сколько! Все ходят по деревням и заставляют народ сказки сказывать да старинные песни петь. Поговаривают, что за эти побасенки они платят чистым серебром».

После того, как последняя мысль сформировалась в голове Скраты, его пасмурная физиономия прямо на глазах начала расплываться в подобострастной улыбке.

– Милости просим уважаемого господина проследовать в мою убогую избенку. Можете не сумлеваться, энтотого самого устного творчества у нас только успевай записывать: и сказок, и песен, и былин разных. Вы не ошиблись адресом – Скрат Смышленный самый лучший сказитель в окрестных местах...

Пока хозяин заливался соловьем, пытаясь всяческими хитроумными уловками не упустить перспективного клиента, гость поднялся по ступеням и, очутившись под навесом крыльца, наконец-то скинул с головы капюшон.

Как только это случилось, поток словоизвержений предприимчивого крестьянина тут же оборвался, как будто ненароком он умудрился наступить на свой язык. И причиной сему факту послужил весьма неординарный облик гостя. Нет, только не подумайте, что на его голове росли рожки или какие другие костяные выросты. По своей форме череп мужчины также ничем особым не выделялся. Скрат буквально пригвоздил к месту и заставил заткнуть фонтан красноречия пронзительный взгляд серых, будто сталь, глаз прищельца. В то же мгновение Скрат почувствовал, как внутри его черепной коробки вторгается нечто весьма страшное, непреодолимо фатальное. Каким-то шестым чувством он понял, что овладевшая его сознанием сила способна не только превратить его в своего верного раба, но смять и растоптать в мгновение ока.

Однако странный и страшный гость вовсе не собирался нанести какой-либо ущерб несчастному Скрату. Бесцеремонно перетряхнув содержимое черепушки обескураженного крестьянина и не найдя там ничего достойного внимания, гость по-доброму улыбнулся основательно заробевшему человеку, после чего заговорил:

– Не стоит меня бояться, уважаемый Скрат по прозвищу Смышленный. У меня к тебе имеется одно небольшое дельце, точнее, предложение, которое может стать для тебя весьма выгодным предприятием...

Незнакомец замолчал, и хозяин, воспользовавшись кратковременной паузой и тем, что всепроникающий взгляд гостя направлен куда-то в сторону, постарался как можно внимательнее его рассмотреть. Это был очень высокий и худощавый мужчина весьма пожилого возраста. О чем однозначно свидетельствовали его седая борода, белоснежная шевелюра на голове и темная морщинистая кожа, основательно выдубленная солнцем, ветрами и временем.

Поневоле в голове Скраты возникла мысль о том, что старик здорово похож на архиерея Дамиана Рукоприкладца, проезжавшего по каким-то своим делам через Малые Рыбицы лет пять или шесть назад.

«Точно жрец, – осенило крестьянина. – Как же я раньше не сообразил? Интересно, что понадобилось их милости от скромного и ничем не примечательного селянина?»

– Ты напрасно приравниваешь меня к вашим шарлатанам, именуемым жрецами, – усмехнулся незнакомец, отчего сразу помолодел лет на двадцать, даже его серые глаза неожиданно поменяли свой цвет и стали небесно-голубыми. – Эти так называемые посредники между людьми и богами пользуются вашей дремучестью и живут безбедно за счет околпаченных дураков, готовых сдохнуть от голода, лишь бы ублажить эту ненасытную братию. Тебе никогда не приходил в голову всего лишь один вполне естественный вопрос: для чего всемогущим богам все ваши подношения?.. – Мужчина осекся и, махнув бессильно рукой, продолжил: – А впрочем, что это я так раскипятился? Какой смысл перевоспитывать темного троглодита, погряз-

шего по самые уши в собственных заблуждениях? Называй меня просто господин Маг, а лучше – Ваша Магическая Милость.

– Чародейства, волшбы и прочей магии не существует, – блеснул эрудицией Скрат. – Во всяком случае, так утверждают наши жрецы. А ежели кто пытается промышлять чародейством, его тут же на костер, чтоб другим неповадно было...

– Вот дебилизм! – сердито оборвал его чародей. – Ты хотя бы своей тупой башкой подумай о том, что сам только что сказал! Коли магии не существует, почему же тогда идущих путем Силы отправляют на костер? А еще Смышленным слывешь... – К неописуемому облегчению напуганного крестьянина, вспышка гнева прищельца продолжалась недолго. Вскоре его изборожденная глубокими морщинами физиономия приобрела благодушно-умиротворенное выражение, а серо-стальной цвет глаз поменялся на небесно-лазоревого. – Не обращай внимания на старика. Что-то я в последнее время стал весьма нетерпим ко всему, что противоречит элементарной логике и здравому смыслу. Короче, в данный момент я прибыл в ваш занюханный мирок с одной-единственной целью – подыскать достойную кандидатуру на вакантную должность моего ученика. Видишь ли, уважаемый Скрат, мне уже полвека как перевалило за две тысячи лет, и ты прекрасно понимаешь – ничто не вечно под луной. Ну что мне осталось? Сотня-другая годков, а потом я так же, как все остальные смертные, кану в Лету, и забвение станет моим уделом.

– Ну а я-то здесь при чем? – преодолевая смущение и робость, рискнул открыть рот весьма озадаченный Скрат. – Неужели Ваша Милость считает старину Скрата достойным стать учеником чародея?

– Из тебя чародей, – не без издевки ухмыльнулся гость, – как из дерьма граната, потому что таланту в тебе абсолютный ноль. Я имею в виду твоего младшего сына. Я ощутил его энергетику, едва лишь оказался в этом континууме. Такой исключительной силы маг появляется во всем безграничном Межмирье один раз в целое тысячелетие, а может быть, и еще реже. Сам удивляюсь, как это кто-нибудь из моих уважаемых коллег до сих пор его не почуял и не прибрал к рукам.

Скрату показалось, что при этих словах в глазах чародея промелькнула искорка безумия. Вполне вероятно, что это ему всего лишь примерещилось, поскольку в следующий момент гость смотрел на хозяина избенки любящим взглядом своих на сей раз васильково-синих очей. Крестьянину не оставалось ничего, кроме как в очередной раз подивиться их способности менять цвет.

– И все-таки, Ваша Милость господин Маг, от меня-то вы чего хотите? – немного привыкнув к обществу странного визитера, спросил Скрат.

– Экий ты непонятливый, братец! – Маг укоризненно посмотрел на тупо хлопающего ресницами мужчину. – Ему на его же родном наречии толкуют, что уважаемому магу нужен ученик, а он все никак уразуметь не может. Короче, мой дорогой Скрат, предлагаю тебе честную сделку – ты мне отдаешь мальчика в полное мое распоряжение, а я тебе за это... ну, скажем, отсыплю монет пятьсот...

– Серебром, – быстро сориентировался в обстановке Скрат, недаром он заслужил среди своих соплеменников прозвище Смышленный. – Медью или оловом маловато будет...

Маг повелительным жестом правой руки осадил чересчур предприимчивого торгаша.

– А ты прагматик, что меня несказанно радует, но негоциант из тебя, как все та же граната из все того же материала. Запомни раз и навсегда: маги ведут торговые сделки исключительно на золото. Предлагаю тебе пять сотен полновесных дуариев. Этой суммы тебе должно за глаза хватить на всю твою оставшуюся жизнь, а также кое-что перепадет и твоим наследникам, если, конечно, не пускаться в разные предприятия сомнительного толка.

– Пятьсот дуариев, – вылупив глаза на гостя, еле слышно прошептал Скрат. – Это сколько ж серебряных «куниц» или «бобров»?..

За всю свою жизнь Скрату всего несколько раз доводилось быть счастливым обладателем хотя бы одной серебряной монетки, а что такое золотой дуарий, убогая фантазия обреченного на постоянную нищету крестьянина не способна даже представить. И вдруг – не было оловянной полушки, и нате вам – куча злата. От такого счастья можно враз умишком рехнуться.

– Давай прикинем вместе. – Маг зажмурил глаза и негромко забормотал, чуть ли не себе под нос: – Итак, один дуарий составляет половину ирекской унции. За унцию дают полтора стандартных фунта серебра. В одном фунте примерно сотня «куниц»... Значит, получается где-то двадцать пять тысяч серебряных монет. Только я бы тебе не советовал разменивать сразу все на серебро – золотишко, оно покомпактнее будет, и спрятать его от недобрых глаз куда проще...

Но ошалевший от свалившегося на его голову богатства крестьянин не слушал назидательных речей Мага. Крепко зажмурив глаза, он силился в бесплодных потугах представить означенную гору серебра, восторженно бормоча при этом:

– Двадцать пять тысяч!.. Это ж какие деньжищи?!

– Да уж, – согласился гость. – Бьюсь об заклад, что у вашего обожаемого народом монарха во всей его казне столько не наберется. Получается, продав родное чадо, ты станешь богаче самого короля.

При этих словах Скрата будто ледяной водой окатили. Мужчина сторбился, в глазах его появилась такая смертельная тоска, что со стороны могло показаться, будто это приговоренный к казни душегубец и жить ему осталось от силы сутки.

– Ты чего это сник, словно одуванчик под дождем? – поинтересовался старик. – Или пятисот золотых тебе мало?

– Да нет, Ваша Магическая Милость, денежки хорошие, только сделка вряд ли состоится.

– Это по какой же такой причине?

– Видите ли, супруга моя скорее от голода сдохнет, чем продаст кого-либо из детишек. Баба, она и есть баба. Что с нее возьмешь?

– Ах, вот оно что? – криво усмехнулся Маг. – Мелочи жизни. Кто в ваш непросвещенный век феодальной раздробленности и всеобщего культа презренного металла интересуется мнением слабой половины человечества? Вполне достаточно устной договоренности между двумя мужчинами и крепкого рукопожатия, чтобы любая сделка воплотилась в жизнь.

– Ага, вам легко говорить, – Скрат отчего-то вдруг зачесал свою едва оперенную жиденьким пушком плешь, – а я на своей шкуре не единожды испытал силу ее удара скалкой или ухватом. К тому же моя хозяйка уж больно чадолюбива – стоит ей лишь только услышать краем уха насчет сделки подобного рода, как вы и я будем биты всем, что этой ведьме под руку подвернется, и никакие аргументы насчет материальных выгод не подействуют.

– Да уж, брат! Проблема. – Глядя на собеседника, Маг также запустил персты в собственную шевелюру. – Никогда не был женат и, поверь, ничуть об этом не жалею.

– Дык и я об этом, Ваша Магическая Милость, кабы знал, что так все сложится, всю жизнь проходил бы бобылем...

– И пятисот золотых не увидал бы, как своих ушей, – съязвил Маг. – Помни, что вся твоя ценность заключается в твоём полугодовалом сыне. А как бы ты без своей супружницы организовал его появление на свет?

– И то верно, – вынужден был согласиться Скрат и философски добавил: – С бабами зло, а без баб, выходит, еще хуже.

– Ладно, ты только не тушуйся. Я знаю, как повернуть это дельце без участия твоей супруги. Придется, правда, немного профильтровать бабе мозги, но ты не переживай, это не вредно. Заодно подкорректирую ей астральные тела, чтобы чувства и мысли вошли в гармонию с эпохой, а главное, чтоб супруга своего боялась как огня и берегла пуще глаза. А насчет ребенка пусть думает, что бродячие псы растерзали.

– А как же детишки? – спросил предусмотрительный Скрат. – Им-то на роток не набросишь платок.

– Все сделаю, как положено, – успокоил его чародей. – Короче, ты желаешь получить в обмен на своего сына пятьсот полновесных золотых дуариев? Если да, то по рукам. В этом случае я вхожу в твой дом, навожу необходимые чары на всех твоих домочадцев и забираю дитя. После чего ты тут же получаешь на руки вышеозначенную сумму, и мы с тобой разбегаемся по разным мирам. То есть ты, конечно же, остаешься здесь, а я исчезаю в бесконечном Межмирье, и больше ты никогда не увидишь ни меня, ни своего сына.

В ответ на столь авторитетные заверения, Скрат энергично закивал головой и поспешил блеснуть эрудицией, точнее, подслушанной когда-то в местной забегаловке фразой, оброненной во время пьяной ссоры между двумя заезжими барчуками.

– Извольте огласить ваши условия сатисфакции, милостивый государь!

На что пожилой чародей сначала удивленно замотал головой, затем с насмешливой улыбкой произнес:

– Чую, не доведет тебя до добра твоя склонность к показухе. А на будущее запомни: старайся объясняться теми словами, смысл которых тебе известен совершенно определенно, иначе огребешь хлопот на свою тощую задницу по самые не балуйся...

Операция по изъятию малыша прошла без сучка и задоринки. Маг вошел в избушку. После чего доносящиеся оттуда крики и беготня мгновенно затихли. Пробыл он там не очень долго – буквально через минуту он вновь стоял на крыльце, неумело сжимая в руках одетое в драное тряпье тельце ребенка.

Стоит отметить, что полугодовалый бутуз ничуть не испугался бородатого деда – он восхищенно гукал и норовил ухватить его своими слабенькими ручонками за седые космы.

Перед тем как расстаться, Маг покопался в складках своей одежды, извлек оттуда весьма увесистый кожаный мешочек со словами:

– Здесь ровно пятьсот золотых. Спрячь подальше и постарайся никому не говорить об их существовании, даже своей горячо обожаемой супруге. В этом захолустье с такими деньгами тебе нечего делать, поэтому перебирайтесь-ка в какой-нибудь город, а лучше в столицу – там перспектив значительно больше. Будешь благоразумным, сможешь очень быстро приумножить свое состояние. Станешь рот раскрывать на каждом углу да хвастаться – все враз потеряешь. Засим позволь откланяться. Я тебя не видел, ты меня тоже.

После столь краткого, но емкого напутствия чародей спрятал живую добычу на своей груди, закутав ребенка складками непромокаемого плаща. Затем взглянул в глаза Скрату и, не обнаружив в них ни капли сожаления, молча сошел с крыльца. Мелькнувшую в голове мысль о том, что было бы неплохо родному отцу попрощаться со своим чадом, он так и не озвучил. Отойдя на несколько шагов от избушки, Маг растворился в воздухе, оставив обалдевшего от счастья крестьянина наедине с неожиданно свалившимся на его голову сокровищем.

Глава 1

Вот уже битый час я сижу за столиком уютного кабачка, расположенного на Олд-стрит – одной из ничем особенно не примечательных улиц столицы Туманного Альбиона, и начинаю серьезно нервничать. Встреча с человеком, обещавшим помочь в весьма важном для меня деле, определенно срывалась и вовсе не по моей вине. Это обстоятельство ужасно нервировало, поскольку в людях я ценю прежде всего бережное отношение к моему драгоценному времени и перестая уважать всякого, кто пытается украсть у меня это самое драгоценное время. Мало того, что тот скользкий тип обещал всемерную помощь в поисках одной, столь необходимой мне вещи и драл за свои услуги три шкуры, теперь он и вовсе не соизволил явиться на назначенное им же самим деловое свидание.

Впрочем, для начала позвольте представиться. Меня зовут Ивэн Вериск: голубоглазый блондин приятной наружности, росту немного за сто девяносто, спортивного телосложения и очень легкого нрава. В некотором роде я большой ценитель и собиратель картин. К определенному географическому ареалу обитания не привязан, поскольку являюсь свободным гражданином бесконечного множества миров. В данный момент нахожусь в измерении Земля в славном городе Лондоне. И как последний идиот теряю остатки терпения в ожидании одного своего знакомого из местных, обещавшего выполнить для меня кое-какую непыльную работенку. Если конкретнее – выяснить местоположение одного интересующего меня художественного произведения, точнее, старинной гравюры работы некоего малоизвестного широкой публике мастера.

Если кому-то интересно, имя художника Уильям Блейк. Жил и творил этот господин в городе Лондоне на рубеже восемнадцатого и девятнадцатого веков. По большому счету, быть узким специалистом в те далекие времена повального энциклопедизма считалось дурным тоном, поэтому сей непризнанный при жизни гений был еще и поэтом, и мыслителем, а также издателем собственных поэтических опусов. Для того чтобы не зависеть от произвола издателей, он даже изобрел оригинальную методику печати, в чем, по его словам, очень здорово ему помог его покойный брат, якобы явившийся мастеру во сне.

Меня вряд ли когда-нибудь заинтересовала бы убогая и ничем особенно не примечательная жизнь какого-то давно почившего в Бозе гения, если бы пару месяцев назад, в измерении Земля, я случайно не наткнулся на одну из его гравюр. Тогда я сразу понял, что этот парень был не просто художником. Он был Видящим. И Видящим, что называется, от Бога. Недаром, по утверждению самого Блейка, метафизическая составляющая в его судьбе играла не самую последнюю роль.

Чтобы неискушенному читателю было понятно, о чем ведется речь, попробую пояснить. Большинство причастных к искусству натур творят исключительно посредством сознания и подсознания, или, образно выражаясь, в творческих муках изливают на холст или бумагу материализованный продукт (эко завернул!) своего воспаленного воображения. Лишь считаным единицам выпадает счастье наблюдать воочию то, о чем они, сообразно своему таланту, пытаются поведать остальному человечеству. Да, да, я ничего не путаю, именно наблюдать воочию, по-другому – становиться свидетелями тех или иных событий, то есть быть Видящими.

Таковых в этом мире на протяжении всего его существования, как отмечалось выше, было не так уж много, но вполне достаточно, чтобы на довольно продолжительный срок загрузить работой по самые уши одного молодого человека, не обремененного семейными или какими-либо другими узами, материальное состояние которого вполне позволяет ему вести независимый образ жизни.

По большому счету, меня не интересуют утерянные катрены Нострадамуса, зашифрованные послания великого Будды или откровения библейских пророков. В какой-то мере все

они также были Видящими, однако не в той степени, чтобы меня заинтересовать. В сферу моих интересов попадает лишь несколько Истинных Видящих, картины которых несут в себе некую закодированную информацию, доступную для восприятия лишь весьма ограниченного круга лиц.

Да, да, именно образчики художественного искусства, и только они являются целью моих двухлетних метаний по этому весьма суетному и не очень уютному миру, к тому же изрядно загаженному его безалаберными обитателями. За все это время мне удалось буквально выщипать из жадных лап коллекционеров считавшееся утерянным полотно да Винчи; триптих, два живописных полотна и четыре ранее неизвестных рисунка Босха; кроме того, икону кисти Андрея Рублева и три картины Рериха. Также по случаю и практически за бесценок я приобрел целый альбом набросков какого-то никому неведомого француза эпохи раннего Ренессанса. И вот теперь попал на след Уильяма Блейка, считающегося среди специалистов определенного рода непревзойденным мастером своего дела.

Допивая вторую чашечку крепчайшего кофе, я наконец-то понял, что сегодня не смогу увидеться с господином Гузманом – одним из самых компетентных «искусствоведов», промышляющих на нелегальном рынке раритетов. Справедливости ради стоит отметить, что на легальных аукционах мне вряд ли удалось бы сторговать все того же Босха или Рериха, не говоря уж о великом Леонардо. К тому же томиться в ожидании, когда какому-нибудь держателю частной коллекции приспичит выставить нужную мне вещь на всеобщие торги, согласитесь, перспектива не очень заманчивая, точнее – иллюзорная. Намного проще встретиться с тем же частным коллекционером в приватной обстановке и постараться ненавязчиво убедить этого человека в том, что ему, ну просто до зарезу, необходимо избавиться от интересующего меня полотна, рисунка, гравюры или какого другого художественного произведения.

Вот тут-то и возникает главная загвоздка, понуждающая меня обращаться к услугам весьма недешевых посредников, таких, как не очень-то уважаемый мною Айзек Гузман. Конечно, если бы нужные мне фамилии коллекционеров, вместе с адресами и домашними телефонами, публиковались в каких-нибудь альманахах, каталогах или их можно было бы легко обнаружить в электронной сети, тогда все обстояло бы намного проще. Я бы попросту позвонил ему напрямую, и мы бы встретились где-нибудь на нейтральной территории, после чего интересующая меня вещь очень быстро обрела бы своего нового хозяина в моем лице, разумеется.

Вполне вероятно, какой-нибудь до чрезвычайности недоверчивый субъект воскликнет: «Раскатал губу, уважаемый! Для того чтобы уговорить избавиться от более или менее стоящей вещи даже самого наивного коллекционера, понадобится целый батальон матерых психологов и столько бабок, что мало не покажется. Где уж ничем не примечательному на вид молодому человеку справиться со столь непосильной задачей?»

Спешу уверить вас, уважаемый скептик: разноцветных фантиков, кои в этом мире именуются деньгами, я могу достать в любом необходимом мне количестве, причем вполне законными методами. Например, толкнув на рынок пару-тройку столь ценимых здесь алмазов, банальным образом выиграв в казино или, назло преждевременного ликующего наследника, избавив какого-нибудь олигарха от неизлечимой хвори. Маг я, в конце концов, или не маг?

Ах да!.. Я действительно забыл упомянуть о том, что являюсь вполне квалифицированным чародеем, поэтому в моих силах творить кое-какие чудеса. Также я обладаю даром убеждать ближнего своего, аки себя самого, и в этих моих способностях прошу никого не сомневаться.

Отодвинув к центру стола опустевшую чашку, я извлек из кармана мобильный телефон и, наверное, уже в десятый раз попытался связаться с неуловимым посредником. К моему глубокому разочарованию, бесстрастный женский голос из трубки вновь доложил мне о том, что абонент находится вне зоны доступа, и ненавязчиво порекомендовал перезвонить попозже.

В расстроенных чувствах я хотел уже подзвать официанта, чтобы расплатиться и удалиться восвояси, но не успел поднять руку в призывном жесте, как определенно почувствовал какое-то едва уловимое, но очень подозрительное напряжение в окружающем пространстве. Чтобы абстрагироваться от внешних раздражителей, я откинулся на спинку кресла и, закрыв глаза, привычно вошел в астрал.

Мгновение – и все перед моим внутренним взором поменялось самым кардинальным образом. Теперь это уже не было стереоскопическое цветное изображение, все вокруг скорее напоминало монохромные картинки, получаемые на экранах электронных приборов ночного видения, с той лишь разницей, что окружающее пространство воспринималось мной на все триста шестьдесят градусов. Иными словами, я с одинаковым успехом «видел» не только то, что у меня перед глазами, но и все то, что творится сзади, сверху, с боков и снизу. Одновременно все доступные моему сверхвидению предметы потеряли свою былую непрозрачность и фундаментальную материальность: кирпичные стены здания, а также его бетонные перекрытия, массивные дубовые столешницы и сами люди – все превратилось в полупрозрачную призрачную субстанцию, вполне проницаемую для моего магического взгляда. Однако меня меньше всего интересовали забавные фигурки посетителей заведения и снующего туда-сюда обслуживающего персонала. Прежде всего, мое внимание привлекло подвальное помещение, расположенное под рестораном, точнее, некие предметы, стоящие непосредственно рядом с одной из несущих опор здания. Их было четыре, каждый по форме – параллелепипед размером с обычный кейс, в каких киношные злодеи перевозят наркоту и деньги. Только на сей раз в чемоданчиках были вовсе не наркотики и бабло, а кое-что намного опаснее – в них находилось суммарно по меньшей мере килограммов шестнадцать очень мощной взрывчатки. Но самым неприятным было то, что внутри каждого такого чемоданчика помигивало светодиоидом весьма хитроумное взрывное устройство, равнодушно отсчитывая оставшееся время жизни обитателей обреченного дома, а также ничего не подозревающих посетителей заведения.

Чтобы не спровоцировать ненароком взрыватель, я внимательно и очень осторожно осмотрел электронную начинку одного из чемоданчиков и пришел к выводу, что до взрыва остается не менее пяти минут – бездна времени для всякого предприимчивого человека, чтобы спастись самому и помочь избежать гибели другим потенциальным жертвам. Будь в моем распоряжении чуть больше времени, я, вполне возможно, тут же занялся бы самими детонаторами, и с большой долей вероятности в конце концов мне удалось бы их отключить. Но, к величайшему моему сожалению, необходимым запасом времени я не обладал, поэтому мысль о том, чтобы предотвратить взрыв, пришлось тут же отбросить. Прежде всего, необходимо избежать человеческих жертв, а для этого нужно всего-то в срочном порядке довести до сведения каждого посетителя информацию о том, что далее в помещении ресторана оставаться смертельно опасно.

Только не подумайте, что я тут же поднялся в полный рост и заорал во всю мощь своих, в общем-то, неслабых легких: «Спасайтесь, люди добрые!» Ни в коем случае, поскольку не понаслышке знал, что такое паника и какими неприятностями она может быть чревата для неподготовленного человека. Поэтому, не выходя из транса, вычленил среди обслуживающего персонала управляющего данным заведением, затем внедрился в его сознание. На все это у меня ушло не более пятнадцати секунд. Столь активный взлом защитных барьеров сознания мог впоследствии сказаться негативно на здоровье этого человека, но в данный момент меня меньше всего волновал морально-этический аспект предпринимаемых мною мер, главное, чтобы команда на экстренную эвакуацию исходила из уст компетентного и легитимного лица.

Еще через пять секунд в общем зале появился ведомый моей волей управляющий. Быстрым шагом он приблизился к стойке бара и, взяв в руки микрофон, уверенным голосом обратился к публике:

– Уважаемые господа, на кухне нашего заведения случился пожар. Очаг возгорания локализован силами обслуживающего персонала, поэтому вашим жизням и здоровью в данный момент никакая опасность не угрожает. Убедительная просьба ко всем присутствующим: в экстренном порядке покинуть стены заведения, чтобы не мешать работе пожарной бригады, которая прибудет сюда через две минуты. Прошу всех подняться и без спешки проследовать в направлении выхода. Еще раз повторяю: всем посетителям срочно надлежит покинуть помещение ресторана без суеты и паники. Ситуация под контролем.

Признаться, идея с пожаром на кухне была не самой лучшей моей выдумкой. К сожалению, за те короткие мгновения, что были в моем распоряжении, ничего особенно оригинального придумать мне не удалось. Конечно, была вероятность того, что при одном слове «пожар» публика дружно повывскакивает из-за столов и ринется сломя голову к выходу. Однако уверенный тон управляющего и его заверения в том, что ситуация под контролем, удержали толпу от необдуманных действий. Люди начали спокойно подниматься и без всякой спешки направлялись к выходу. Некоторые даже оставляли деньги за съеденное и выпитое, хотя основная часть все-таки решила воспользоваться подвернувшейся дармовщинкой и за обед не расплатилась. Впрочем, управляющий и не настаивал на этом.

Через пару минут все посетители ресторана и его служащие находились на безопасном расстоянии от здания. Оказавшись на улице, мне удалось очень быстро взять под контроль наряд полиции, весьма кстати проезжавший мимо. Копы без лишних вопросов бросились сломя голову перекрывать движение по Олд-стрит и отгонять толпу от заминированного здания.

В данный момент мое сознание как бы раздвоилось. Одна его половинка продолжала контролировать действия полиции, а также некоторых потенциальных паникеров, способных, по причине нестабильности своей психической организации, внести разброд и шатание в массы. А вторая лихорадочно пыталась предотвратить взрыв. Однако за те несколько минут, что оставались в моем распоряжении, я так и не сумел разобраться во всех тонкостях хитроумного взрывного устройства. Можно было, конечно, повредить дистанционно электронные схемы, но «рвать провода» наобум я не привык – чревато самыми непредсказуемыми последствиями.

За десять секунд до взрыва, скрепя сердце, мне пришлось оставить безуспешные попытки разминировать «адскую машину». «Почему «скрепя сердце»?» – спросит какой-нибудь далекий от всего этого индивид. Дело в том, что, хотя посетители ресторана были успешно эвакуированы, оставались жилыцы апартаментов, расположенных над заведением. Судя по тому, как были установлены чемоданчики, их суммарного содержимого должно с избытком хватить для того, чтобы нижняя часть несущей колонны в момент взрыва превратилась в кучу щебня и цементной пыли. Что случится дальше, несложно догадаться, даже не будучи дипломированным инженером-строителем. Лишившись опоры в одной из критических точек, здание начнет складываться на манер карточного домика. В конечном итоге под завалами из кирпича и бетона погибнут сотни ни в чем не повинных граждан.

Девять, восемь, семь... я непроизвольно вдавил голову в плечи в ожидании будущей беды и, как обычно бывает в таких случаях, вместо того, чтобы возрадоваться тому, что мне удалось спасти несколько десятков человеческих жизней, ощутил невыносимую тоску и чувство вины, поскольку не смог сделать большего. Четыре, три, два... и тут неожиданно меня осенило.

Я вдруг осознал, что если нельзя предотвратить сам взрыв, почему бы не сделать его менее разрушительным? На подготовку необходимого заклинания у меня ушло не более одной десятой секунды. К тому моменту, когда неумолимая стрелка виртуального секундомера уткнулась своим острым кончиком в цифру «ноль», с моих губ успела сорваться нужная звуковая комбинация, а пальцы рук вслед за губами успели пару раз «продемонстрировать фигу» Ее Величеству Фортуне. Конечно же, я пошутил – никаких сомнительных фигур у меня и в мыслях не было никому показывать, тем более, самой госпоже Фортуне, до сих пор весьма

благоволившей ко мне. Общеизвестно, что мануальные манипуляции способствуют концентрации внимания во время наложения заклинаний. Поэтому, не по моей вине и без всякого злого умысла с моей стороны, мои персты два раза действительно сложились в вышеозначенную фигуру из трех пальцев.

Я стоял на другой стороне улицы в сотне метров от злосчастного здания в толпе частью немного перепуганных, частью попросту обалдевших посетителей ресторана, когда «адская машина» сработала. Однако ожидаемого разрушительного эффекта не последовало. Полыхнуло, конечно, и славно так полыхнуло, но не более того, поскольку заклинание, примененное мною весьма своевременно, закапсулировало все четыре чемоданчика в пространственном объеме, где время течет примерно в тысячу раз медленнее, чем в нормальном мире. В результате мощный взрыв произошел не за считанные доли мгновения, как это характерно для любого взрыва, осуществленного в обычных условиях, а растянулся аж на целых двадцать секунд. Короче говоря, тут особенно и объяснять нечего: вместо разрушительного «буха» вышел вполне безобидный «пшик», в результате которого несущая опора здания практически не пострадала, хотя о самом уютном ресторанчике этого не скажешь. Внутренность заведения будто специально обработали из огнемёта, и теперь там полыхало похлеще, чем в топке crematorium. Ничего, помещение и прочее добро, несомненно, застрахованы, и владелец или владельцы заведения рано или поздно получают достойную компенсацию взамен утерянного имущества.

Убедившись, что никакая опасность более никому не угрожает, я не стал дожидаться окончания вышеозначенных драматических событий, отправился на ближайшую улицу, где остановил первое попавшееся такси и попросил водителя отвезти меня в отель «Ле Меридиен Пикадилли», где в данный момент снимаю скромный холостяцкий номер.

Если какой-нибудь завистливый брюзга начнет самым наглым образом обвинять меня в склонности к мотовству и пижонству, усмотрев в моем выборе весьма недешевого места жительства некую претензию на исключительность, я отвечу, что вовсе не из любви к роскоши поселился в одной из самых репрезентабельных гостиниц английской столицы, а исключительно из преданности искусству. Ведь общеизвестно, что совсем неподалеку от этого места находится знаменитая Королевская академия художеств, и мне, как лицу, некоторым образом причастному к высокому искусству, полезно находиться в самой непосредственной близости от местных служителей Минервы или Афины – по правде говоря, я не очень разбираюсь в мифологических воззрениях обитателей данного континуума.

В холле отеля услужливый портье передал мне запечатанный конверт с надписью, выполненной машинописным способом: «Господину Вериску лично в руки».

Поднявшись в свой номер, расположенный на третьем этаже, я обессиленно упал в кресло, стоящее в гостиной, и, не снимая ботинок, закинул ноги на журнальный столик. После чего зажмурил веки и блаженно расслабился. В результате упомянутых мною событий, я был практически опустошен. Дело в том, что всякие манипуляции трансцендентного свойства требуют от мага не только абсолютной концентрации, но также значительной части внутренних запасов его магической энергии. Как результат, после подобных казусов чародей получает шок, сопоставимый с тем, что обычный человек испытывает, оказавшись неожиданно под бомбежкой или при крушении поезда, пассажиром которого он является.

Очень скоро душевные силы начали возвращаться ко мне. Труднее было с пополнением запасов магии. Удивительно, но этот мир, столь похожий внешне на прочие миры, в которых мне доводилось бывать, был практически полностью лишен запасов нужной мне магической эманации. Когда-то по поводу столь неприятного для меня факта я провел ряд изысканий и на основании полученных данных сделал вывод, что Большой Взрыв, в результате которого образовалась эта вселенная, протекал немного иначе, чем в других континуумах. Суть этих

отличий, по большому счету, может вызвать интерес лишь весьма узкой части ученой братии, поэтому мы не будем на них особенно останавливаться. Главное то, что в результате этой аномалии мир Земли был лишен апейронного реликтового излучения – основы основ всякой магии. Стоит отметить тот факт, что недра планеты и центральное светило выделяют во внешнее пространство незначительную толику чистого апейрона, но это сущие крохи по сравнению с тем, что имеют в своем распоряжении маги других «правильных» миров.

Отсюда проистекает и та скудность магической активности землян. Данный факт поначалу меня весьма заинтересовал. Оказавшись в этом мире, я несколько раз пытался установить контакты с так называемыми экстрасенсами, но в результате сделал для себя ошеломляющие выводы. Оказывается, большинство тех, кто выдает себя за магов, чародеев, ведьм и прочих кудесников, таковыми не являются. С другой стороны, магический потенциал многих землян, совершенно не подозревающих о своих способностях, чрезвычайно велик, и при соблюдении некоторых условий из них могли бы получиться весьма талантливые чародеи. Короче говоря, если бы в этом мире было достаточно апейрона, местные колдуны засунули бы за пояс всех прочих вместе взятых магов обитаемого Межмирья.

Как результат, обитатели Земли были вынуждены следовать по своему собственному чисто технологическому пути, именуемому научно-техническим прогрессом. Столь изощренный метод общественного развития не имеет аналогов ни в какой другой известной мне вселенной. С одной стороны, землянам можно посочувствовать – будь в их распоряжении магия, их мир не напоминал бы сейчас огромную выгребную яму и угроза самоуничтожения не висела бы над этой цивилизацией дамокловым мечом. С другой – если обитатели этого мира с помощью каких-либо технических средств когда-нибудь вырвутся на широкие просторы Межмирья, это станет величайшим сюрпризом для всех его обитателей. От себя добавлю: оказавшись однажды на Земле, я, к великому своему удивлению, обнаружил, что ее обитатели во многом мне симпатичны, даже в своих неумных устремлениях экспансивного свойства. Неоднократно в своих мечтах я представлял тот момент, когда эта банда «голодных ртов», жадных до новых знаний и ощущений, вырвется на просторы Ойкумены, и что из этого получится. Нет, этот мирок не должен нелепо погибнуть в термоядерном пламени или по какой иной причине, и если такое случится, это будет самой величайшей несправедливостью Высших Сил.

Почувствовав себя намного увереннее, я поднялся с кресла и, подойдя к шкафу, достал оттуда свою дорожную сумку. После недолгих поисков извлек из ее недр флакончик, изготовленный из специального магически модифицированного стекла, экранирующего его содержимое от любых биополей. Флакон был заполнен примерно на две трети небольшими полупрозрачными пилюлями желтого цвета. Капсулы чистого апейрона – вот что в данный момент мне необходимо более всего, поскольку мои внутренние запасы эманации сегодня изрядно подытожились, а оставаться практически пустым не в моих правилах. Видите ли, за годы, проведенные под крылышком весьма уважаемого и обожаемого Учителя, я привык к разным неожиданным пакостям, как с его стороны, так и от прочих его подопечных. Если бы я не имел под рукой в нужный момент достаточного запаса магической энергии, то вряд ли смог избежать многочисленных смертельных ловушек, расставленных ими по мою душу. Справедливости ради стоит отметить, что и сам я на подобные шуточки также был великим мастером, поэтому не только выжил, но по окончании обучения прошел все необходимые квалификационные испытания и получил право зарабатывать на жизнь с помощью своего магического дара.

Вытряхнув на ладонь одну капсулу, я аккуратно закрутил крышку флакона и вновь убрал его подальше от посторонних глаз. Затем вернулся на прежнее место и, откинувшись на спинку кресла, зажал в кулаке «пилюлю». Какое-то время ничего особенного не происходило: я сидел в расслабленной позе, капсула как ни в чем не бывало продолжала лежать в моей руке. Секунд через тридцать ладонь нестерпимо защекотало – это под действием моего биополя произошло раскапсулирование магической эманации, и освобожденная энергия устремилась внутрь моего

организма, пополняя опустевшие запасники. Пару мгновений спустя зуд в ладони прекратился. Вот и все – подзарядка прошла успешно. Теперь можно заняться делами не менее насущными.

Я протянул руку к журнальному столику и осторожно двумя пальцами взял конверт – никаких особенных сюрпризов я не ожидал, сделал это больше по привычке, нежели из опасений за свою жизнь. Аккуратно распаковал и извлек оттуда лист писчей бумаги стандартного формата. Как я и ожидал, письмо было от самого господина Гузмана. В нем он буквально рассыпался в извинениях за то, что не смог явиться на назначенную им же самим встречу, ссылаясь на то, что по ряду фатальных обстоятельств вынужден на некоторое время залечь на дно, спасаясь от «незаслуженного преследования» со стороны «коррумпированных полицейских чинуш».

Да, да, уважаемый Айзек, знаем мы вас, а также интерес к вашей ну просто «кристально чистой» персоне со стороны всяких там «нечистых на руку чиновников». Поди, опять выступили посредником в сбыте краденых художественных ценностей? Интересно было бы узнать, в какой музей или частную коллекцию нанесли визит поделнички моего приятеля Айзека Гузмана на сей раз? Насколько мне помнится, особенно громких ограблений за последние три-четыре месяца не отмечалось. Хотя... постойте!.. Кажется, было в Мельбурне что-то там насчет пропажи каких-то древних артефактов: то ли старинных масок, то ли бумерангов – точно не берусь утверждать. Вполне возможно, что именно здесь и зарыта собака. Впрочем, плевать мне на проблемы моего уважаемого консультанта, посмотрим, что он там дальше пишет в своем послании.

После пространного, но малосодержательного вступления консультант еще немного пожаловался на жизнь и лишь в самом конце в двух сухих строчках сообщил, что интересующее меня лицо постоянно проживает в Москве. Его полное имя Воронцов Павел Афанасьевич. К письму – что самое важное – прилагался точный адрес, телефон, а также довольно подробное досье на коллекционера.

Дочитав послание, я мысленно возблагодарил своего агента за предоставленную в мое распоряжение информацию, а также искренне пожелал ему успешно выпутаться из очередной неприятной ситуации. Затем скомкал письмо вместе с конвертом и положил бумагу в пепельницу, стоящую на журнальном столике. В следующее мгновение письмо господина Гузмана исчезло в яркой магнелиевой вспышке – не в моих правилах оставлять после себя подобные предметы, поскольку небрежности такого рода в прошлом стоили жизни не одному моему коллеге по магическому цеху. В данный момент я хоть и находился вне пределов основного ареала обитания чародейского сословия, и вряд ли где-то поблизости найдется второй маг, способный помериться со мною силами, все равно пренебрегать правилами личной безопасности не стоило. К тому же одного взгляда, брошенного на письмо, мне было вполне достаточно, чтобы в любой момент воспроизвести его содержание с точностью до последней запятой. Насколько мне помнится, в данном мире это называется «фотографической памятью».

Затем я поднялся с кресла и начал рассказывать взад-вперед по гостиной комнате, परिवаривая приобретенную информацию.

Согласно сведениям, полученным от моего агента, гравюра Уильяма Блейка находится в Москве. Не ближний свет, конечно, но с помощью транспортных средств местных туземцев не составит ни малейшего труда добраться до места за несколько часов. Таким образом, если господин Айзек Гузман не ошибается, а он (как я успел убедиться за время нашего знакомства) ошибается лишь в тех случаях, когда ему это выгодно, гравюра практически у меня в кармане. Оказавшись в Москве, я уж как-нибудь сумею убедить этого Воронцова Павла Афанасьевича (черт побери, эти заковыристые русские имена) уступить мне гравюру Блейка, благо как произведение искусства особенной ценности она не представляет.

Не откладывая дела в долгий ящик, я позвонил управляющему отеля и попросил его посодействовать в получении российской визы и с покупкой билетов на один из ближайших

авиарейсов в Москву. Вежливый мужской голос на другом конце провода пообещал организовать все самым наилучшим образом. В завершение разговора управляющий попросил меня в течение получаса находиться в своем номере, поскольку ко мне должен прийти юрисконсульт отеля, который поможет оформить надлежащим образом все необходимые документы. Что уж тут скажешь – сервис на высшем уровне.

Я вспомнил, как однажды, находясь в одной африканской стране, попытался получить визу в сопредельное государство. Тогда чернокожим мошенникам удалось нагреть меня на весьма крупную сумму, но визы я так и не получил, поскольку в планы жадных чиновников не входило просто так отпустить «дойную корову». Откровенно говоря, в тот раз впервые в жизни мое личное обаяние и способность убеждать потерпели полное фиаско. Пришлось собирать манатки и отправляться напрямик в Париж, где я, не выходя из аэропорта, наконец-то получил желаемое разрешение. О потерянных времени и деньгах я ничуть не жалею, поскольку считаю опыт общения с улыбочивыми белозубыми и весьма экспансивными чернокожими бюрократами весьма полезным в познавательном плане. Как потом выяснилось, в Париж мне тогда лететь было вовсе ни к чему. Достаточно было подойти на улице к любому более или менее смысловому пацану и, заплатив ему пару долларов, попросить свести с региональным главарем местной «Коза Ностры». После встречи с крестным отцом меня в течение нескольких часов (за разумную плату, конечно же) доставили бы в любую точку Черного континента, предоставив при этом вооруженную охрану и богатый выбор прохладительных напитков. Короче говоря, век живи – век учишь.

В ожидании юрисконсульта я вновь уселся в кресло, устроился в нем поудобнее и, включив телевизор, сразу же увидел на экране знакомую улицу и знакомое здание. По всей видимости, это была запись, поскольку помещение ресторана, в стенах которого я провел целых два часа в ожидании нужного мне человека, еще продолжало гореть, хотя, по моим расчетам, его уже давно должны были потушить. Рядом невыносимо завывали сиренами и переливались огнями, будто новогодние елки, не менее двух десятков пожарных и полицейских машин, а также карет «Скорой помощи». На переднем плане весьма экзальтированная молодая особа женского пола оживленно вещала о загадочных событиях, произошедших на Олд-стрит. По всей видимости, это был ее первый самостоятельный репортаж, и журналистка всеми способами старалась, чтобы ее появление в кадре не осталось незамеченным телезрителями и продюсером.

– К счастью, – частя словами, захлебывалась теледива, – во время взрыва никто из посетителей ресторанчика не пострадал. По заверениям компетентных лиц, строению также не нанесено особо ощутимого вреда. Вероятные причины возгорания в данный момент устанавливаются.

Затем ушлая журналистка предоставила слово самим «компетентным лицам». Импортантные дядьки в пожарных костюмах и полицейских мундирах поспешили поочередно заверить налогоплательщиков в том, что ситуация находится полностью под их контролем: пожар практически потушен, группа высококлассных специалистов приступила к выполнению оперативно-следственных мероприятий и в данный момент опрашивает всех очевидцев происшествия. Ничего конкретного, что касалось бы самого пожара, а также причин его возникновения, спецссы не сообщили, сославшись на то, что причины возгорания пока не установлены, а озвучивать рабочие версии они не уполномочены.

Досмотреть я не успел, поскольку в дверь постучали. На пороге стоял мужчина лет тридцати пяти – местный юрисконсульт. На заполнение различных форм, анкет и прочих бумаг понадобилось довольно много времени. Тем не менее, минут через сорок визитер удалился, пообещав прислать весь пакет необходимых документов не позднее десяти часов утра следующего дня. Засим мы и расстались.

Теперь, когда от меня уже ничего не зависело, можно немного расслабиться и предаться порокам. На сегодняшний вечер у меня запланирован поход по лондонским пабам. Я посмотрел на часы – без четверти пять. До открытия пивнушек больше часа. Ничего, подышим свежим воздухом. Хотя по прогнозам синоптиков дождя сегодня и не ожидается, что-то мне подсказывало, что прихватить зонт вовсе не помешает. Именно так я и поступил.

Покинув отель через парадный вход, я побрел неторопливой походкой по Пикадилли-стрит в сторону Гайд-парка. Вокруг взад-вперед сновали разновозрастные толпы суетливых туристов, съехавшихся сюда из всех уголков земного шара. В данный момент они меня не особенно интересовали, поскольку за время, проведенное на Земле, я успел в достаточной степени ознакомиться с бытом и нравами многих ее народов и не переставал удивляться, каким образом столь непохожие существа умудряются уживаться на сравнительно небольшой территории...

Вечер удался на славу. Я посетил не менее полудюжины пивнушек от самых незатейливых до наиболее престижных. За это время я вдоволь насмотрелся на охотничьи трофеи в виде расставленных по углам чучел и развешанных по стенам голов и рогов бедных животных, ставших добычей какого-то далекого предка владельца паба, проживавшего, вполне вероятно, еще в благословенные времена короля Ричарда Львиное Сердце и отважного Робин Гуда. Еще владельцы подобных заведений очень любят выставлять напоказ всякую древнюю рухлядь, как то: побитые молью и мышами старинные гобелены, утюги, сломанные часы, наборы каминных кочерег, бейсбольные биты и футболки своих кумиров, какие-то спортивные кубки и множество всякой прочей ерунды. Справедливости ради стоит отметить, склонность владельцев пивных к разного рода проявлениям собственной индивидуальности никоим образом не сказывалась на качестве подаваемых напитков. Даже в самой распоследней забегаловке пиво было в ассортименте и превосходное на вкус.

Я уже давно сделал для себя вывод, что лучшего места для знакомства и общения, чем паб, в Англии просто не существует. Оказавшись случайно за барной стойкой или за столиком рядом с каким-нибудь совершенно незнакомым человеком, вы вольно или невольно заведете неторопливую беседу. Обычно разговор начинается с обсуждения местных погодных странностей и причуд. Затем он плавно перетекает в сферу политики, потом наступает черед экономики и так далее. Часа через два вам уже практически все известно о своем новом знакомом, а ему – о вас. На прощание вы уже хлопаете друг друга по плечам и договариваетесь о будущей встрече в самое ближайшее время и непременно в этом заведении.

Однако сегодня я особенно не стремился завязать с кем-нибудь близкое знакомство. Целью моего похода было просто как следует накачаться пенным напитком, чтобы оставить за бортом напряжение последних двух месяцев, вызванное многочасовыми посиделками в музейных архивах и публичных библиотеках. Ведь для того чтобы науськать господина Гузмана на поиски того или иного художественного произведения, мне самому необходимо было понять, что именно следует искать. Вполне естественно, кроме меня эту работу выполнить было некому.

К половине одиннадцатого я был уже изрядно накачан английским битером, ирландским гинессом и шотландским элем. Однако это ничуть не помешало мне заработать халявную пинту, положив на спор с хозяином заведения все три дротика дартс в «бычий глаз» мишени. Тут же от завсегдатаев пивной мне поступили заманчивые предложения сыграть партийку-другую, но я вежливо их отклонил.

Решив для себя, что выигранная столь оригинальным способом кружка на сегодня станет последней, я не стал возвращаться на свое место за столом, а решил употребить ее прямо у стойки. Неожиданно мое внимание привлекла картинка на телевизионном экране, за спиной бармена. Показывали знакомое мне заведение, несколько часов назад пострадавшее от взрыва. Правда, запись была выполнена, когда ресторан еще не успел выгореть до основания, а посе-

тител находились за своими столиками, не предполагая, что очень скоро им придется покинуть помещение в экстренном порядке. Кое-кого я даже узнал. Мой столик находился вне зоны видимости камеры слежения, и свою персону на экране я не узрел. Зато я увидел то, чего вовсе не ожидал увидеть. Незадолго до взрыва в ресторане появилась волоокая темноглазая девушка весьма приятной наружности, одетая в зеленое платье, на голове хиджаб – традиционный мусульманский головной платок, также зеленого цвета. В руках ее можно было явственно различить знакомый мне атташе-кейс. Не вступая ни с кем в разговоры, едва появившись, она тут же как ни в чем не бывало направилась на кухню.

Между тем мужской голос за кадром пояснил:

– Как было установлено следствием на основании данных, зафиксированных камерами внутреннего наблюдения, незадолго до взрыва ресторан на Олд-стрит посетила молодая особа на вид восемнадцати-двадцати лет. Вполне вероятно, что чемоданчик со взрывным устройством доставила и привела в действие именно она. Личность предполагаемой террористки устанавливается. За любую информацию относительно паспортных данных и места нахождения девушки назначено крупное денежное вознаграждение, телефон горячей линии...

Дальше я не слушал, но то, что я увидел на экране, попросту ошарашило меня, поскольку, будучи непосредственным участником событий, я не только не заметил никаких красавиц, явно мусульманской наружности, тем более, с подозрительным «дипломатом» в руке, но готов поклясться чем угодно в том, что чемоданчики со взрывчаткой находились там, где я их обнаружил, никак не меньше суток, и что очень важно, на протяжении этих суток к ним никто не прикасался.

«Странно, – подумал я. – Для чего это кому-то понадобилось привязывать к взрыву эту весьма обворожительную мамзель в зеленом платочке?»

Тема причастности или непричастности красавицы к теракту настолько меня заинтриговала, что я тут же, не отходя от стойки, крепко зажмурил глаза и заставил память воскресить перед внутренним взором недавние события.

Ага, вот я вошел в помещение, прошеествовал к понравившемуся столику, по привычке уселся лицом ко входной двери и просидел, практически не вставая со своего места, целых два часа. Если бы, как сообщают в теленовостях, эта девушка проникла в ресторан перед самым взрывом, мимо меня проскочить ей не удалось бы при всем ее желании. К тому же зачем юной девице, нарочито экипированной по мусульманской традиции, с «дипломатом», доверху наполненным мощной взрывчаткой, переться напролом через общий зал? Не было ли проще войти через служебный вход, не привлекая внимания и не афишируя свою религиозную принадлежность? Нет, что-то здесь не стыкуется между собой.

Я открыл глаза и повнимательнее присмотрелся к телевизионному экрану, на котором очередной раз прокручивалась запись, якобы отснятая ресторанными камерами внутреннего наблюдения. И в тот момент, когда в зал вошла предполагаемая террористка, я вдруг понял, что меня так насторожило с самого начала. Оказывается, телевизионщики или те, кто стоял за их спинами, пытались самым наглым образом «скормить» доверчивому телезрителю довольно качественный монтаж. Если бы я не был непосредственным очевидцем и в какой-то степени участником драматических событий, произошедших на Олд-стрит, я бы и сам ни на минуту не усомнился в правдоподобности видеозаписи. Но... существует одно «но», которого создатели этого «детективного триллера» как-то не учли или посчитали его малозначимым. Дело в том, что девушка каким-то чудесным образом умудрилась походя закрыть от видеокamеры один стул, который, насколько я помню, стоял таким образом, что сделать это она не могла при всем своем желании. Вот он – очевидный ляп тех, кто по какой-то причине пытается представить теракт делом рук воинствующих исламистов. Девушка наверняка когда-то гуляла с портфельчиком в руке. Вполне возможно, что это какая-нибудь студентка приехала из мусульманского государства изучать медицину или правоведение. Шла она себе на занятия, а тем временем

плохие дядьки снимали ее с различных ракурсов, а потом с помощью современных компьютерных технологий вырезали из кадра и вмонтировали в совершенно другой сюжет.

Вот незадача-то! Я откровенно посочувствовал этой ни в чем не повинной девчонке, вряд ли подозревающей в данный момент о том, какие беды должны вот-вот обрушиться на ее прелестную головку. Впрочем, бурное шевеление местных криминально-политических структур никакого отношения ко мне не имеет, поскольку я преследую в этом измерении сугубо шкурный интерес, касающийся увеличения моего персонального благосостояния. По этой причине немедленно отправляться на поиски невинно оклеветанной жертвы чьего-то произвола, как следовало бы поступить настоящему супергерою, я вовсе не собирался.

Расправившись с призовой пинтой, я не без некоторого сожаления покинул гостеприимные стены питейного заведения. На улице, на удивление, быстро поймал такси, и через десять минут добродушный усатый кебмен – судя по специфическому прононсу, из местных кокни – лихо подкатил к «Ле Меридиен Пикадилли». А еще через полчаса я преспокойно дрыхнул сном праведника в шикарной спальне своего дорогущего номера, на постели, которую при необходимости можно было бы запросто использовать в качестве взлетно-посадочной площадки грузопассажирского вертолета доблестных королевских ВВС.

Глава 2

Вечерело. Старый облезлый волк по кличке Острый Коготь осторожно крался вдоль опушки обширной лесной поляны, расположенной в самом центре Ведьминого леса. Острый Коготь был стар и мудр, в прежние годы он ни при каких обстоятельствах не рискнул бы посетить эти страшные места. Но, как говорится: голод не тетка – вот и приходится вопреки инстинкту самосохранения пускаться в авантюры, на которые до него не отваживался ни один хищник. В былые времена Острый Коготь был отменным охотником, предводителем волчьей стаи и с честью нес на своих могучих плечах нелегкое бремя власти. Когда ты молод и силен, тебе кажется, что так оно и будет продолжаться все время. Однако проходят годы, силы начинают тебя постепенно покидать, и вот уже некогда сопливые щенки подросли и начинают косо поглядывать в твою сторону. В конце концов, самый нетерпеливый попробует отобрать то, что раньше принадлежало тебе по праву сильнейшего. Ты, конечно же, хорошенько взгреешь наглеца, но рано или поздно появится тот, кто докажет свою состоятельность и станет новым лидером стаи. В этом случае тебе остается небогатый выбор: быть убитым в поединке с молодым и сильным самцом или, проявив благоразумие, покинуть стаю без боя и до конца дней своих превратиться в отверженного обществом одиночку.

Острый Коготь был по своей натуре прагматиком, поэтому без особых колебаний выбрал жизнь. И пусть эта жизнь более всего походила на безрадостное прозябание, но все-таки даже такое существование он никогда не променял бы на беспросветный мрак небытия. Как оказалось, даже старость может приносить некоторые удовольствия. Пусть теперь его не влечет и не кружит голову острый манящий запах самки, коим во время брачного периода, кажется, пропитано все вокруг. Остаются мелкие радости, такие как жирный заяц или, на худой конец, мышь, и яркие захватывающие сны, в которых он вновь силен и готов вступить в схватку с самым опасным противником.

Однако в последнее время в Светлом лесу для Острого Когтя оставалось все меньше и меньше пищи. Более ловкие и сильные выхватывали еду прямо из-под носа, норовя его самого пристроить в своих желудках. По этой причине старый волк вынужден был пойти на опасную авантюру – покинуть родные чащобы и отправиться в те места, от которых все его естество повелевало держаться как можно дальше.

Ведьмин лес – вот куда в конце концов занесло одинокого волка. Конечно, Острый Коготь не мог знать, что безбрежные реликтовые дубравы, расположенные на северной окраине плоскогорья Хазрат, именуются Ведьминым лесом. Так их называли люди, которые, подобно его косматым сородичам, особенно не жаловали эти места.

Народная молва утверждала, что в незапамятные времена здесь обитали могучие маги. Жили себе в своих башнях, занимались какими-то ведомыми только им самим исследованиями, никого не трогали, никому не мешали. Но в один печальный день все вокруг заволокло непроницаемым туманом. После того, как завеса рассеялась, оказалось, что башни чародеев бесследно исчезли с лица земли, а вековые дубы будто перекорежила и перекрутила какая-то немыслимая сила. С тех пор те, кто отваживался прогуляться по зачарованному лесу, очень сильно рисковали остаться там навсегда, а те, кому все-таки удавалось оттуда вернуться, боялись такое, что от страха у слушателей, да и у самого рассказчика, волосы на голове поднимались дыбом. Сказывали, будто чародеи выпустили из каких-то потаенных глубин мироздания древнее колдовство, с которым сами не смогли справиться. Вырвавшись на волю, оно поглотило магов вместе с их башнями, перекрутило стволы и ветви деревьев, после чего так там и осталось в виде стелющейся по земле полупрозрачной невесомой дымки. Только эта видимая легкость весьма обманчива, стоит кому-нибудь оказаться в тех местах в темное время суток, как туман начинает подниматься над землей и трансформироваться в столь страшные образы, что даже у

самого отъявленного смельчака немедленно возникает отчаянное желание развернуться на сто восемьдесят градусов и дать стрекача, подобно трусливому зайцу. Но самая главная опасность тумана вовсе не в его особенности демонстрировать фигуры умопомрачительных монстров. Дело в том, что ежели какой-нибудь сорвиголова все-таки не внемлет голосу разума и станет упорствовать в своем желании как можно дольше оставаться в непосредственной близости от туманных чудищ, жизненные силы очень быстро покинут его, и хладный труп бесшабашного смельчака в конце концов станет добычей мелких грызунов, насекомых и червей.

Слухи о странном и страшном лесе очень быстро распространились по всему Заполю и даже достигли отдаленных земель мира Аурениуса. Поначалу некоторые маги пробовали постичь суть произошедших в этих местах метаморфоз, но, потеряв с десятков особенно настырных своих собратьев, вынуждены были отказаться от подобной авантюры. С тех пор северную окраину плоскогорья Хазрат нарекли Ведьминым лесом. Вполне вероятно, столь необычное название появилось из-за того, что очень часто призрачные фигуры, формируемые колдовским туманом, напоминали стороннему наблюдателю уродливых старух.

Острый Коготь до колик в животе боялся страшных порождений Ведьминого леса, но для себя уже давно уяснил, что к звериному племени они относятся вполне лояльно. Примером тому служили многочисленные стаи расплодившихся здесь кабанов, бурундуков, белок и других тварей, питающихся желудями, орехами, дикорастущими плодами, а также грибами и прочим подножным кормом. Волк в какой-то степени привык к еженощным появлениям призрачных фигур и к неприятному головокружению, коим оно сопровождалось. Он даже приносился впадать по ночам в глубокое оцепенение, здорово напоминающее медитативный транс. Что касается светлого времени суток, здесь все было как в обыкновенном лесу, за исключением полного отсутствия медведей, росомх, рысей, братьев-волков и прочих хищников, норовящих выхватить твою добычу прямо из пасти. По какой-то непонятной причине хищники, так же как люди, чувствовали необъяснимую угрозу, исходящую от загадочного леса и старались держаться подальше от этого места. За время, проведенное в Ведьмином лесу, Острому Когтю даже удалось значительно поправить изрядно подпорченное постоянной голодухой здоровье. На мышах, бурундуках и молоденьких поросятах мышцы его заметно окрепли, и, несмотря на преклонный возраст и внешнюю непрезентабельность, это был еще довольно сильный, умный и весьма опасный зверь, вполне способный при желании вернуть былую власть в волчьей стае. Однако подобные политические амбиции в данный момент были абсолютно чужды устремлениям Острого Когтя. Все, о чем он мог лишь мечтать, он уже имел и искренне радовался этой своей возможности, как в пору беспечной юности радуются любой незначительной ерунде еще не заматеревшие щенки. Пара дюжин мышей на завтрак, отсутствие угрозы быть съеденным каким-нибудь косолапым мишкой или своими же соплеменниками, каждодневная возможность любоваться восходом и закатом дневного светила и еще великое множество мелких радостей – разве не это истинное счастье?

Зажмурившись от удовольствия, волк принялся тереться зудящим правым боком о шершавый ствол невысокого дубка. Оставив у подножия дерева изрядный клочок шерсти, Острый Коготь хотел уже было потереться другим боком, но одно престранное событие вдруг отвлекло его от приятного времяпрепровождения. Внезапно посреди поляны прямо из воздуха материализовалась долговязая фигура, завернутая в лишенную волос шкуру убитого животного. Зверь замер и насторожился. В новоявленном пришельце он узнал человека, и, признать, здорово перетрухнул. О людях, а также об их исключительном коварстве, Острый Коготь знал не понаслышке. Однажды он и сам едва не угодил в установленный ими капкан. Тогда его спасли исключительное звериное чутье и отменная реакция. Много раз, будучи вожаком, ему случалось уводить стаю прочь от охотничьих облав.

Острый Коготь уже собирался покинуть опасное место, чтобы избежать встречи с самым страшным недругом волчьего племени. Однако свойственное всем животным природное любопытство все-таки удержало его от позорного бегства.

«Посмотрим, что здесь нужно проклятому двуногому, – подумал волк. – А вдруг этот тип прибыл сюда для того, чтобы установить те дурно пахнущие челюсти, в одну из которых я едва не угодил во времена моей далекой молодости?»

Тем временем странное двуногое существо извлекло из-за пазухи какой-то небольшой сверток с явно живой плотью и, оскалившись от уха до уха, громко воскликнуло:

– Экий бутуз! Лишили тебя родных отца и матери, а тебе хоть бы хны! Эвон, какой улыба! Хотя того типа, что именовался твоим папенькой, я самолично вздернул бы на первой сучковатой березе – вот же сволочь, даже слезинки не проронил при расставании с родным чадом! – Затем человек высоко подбросил залившегося звонким смехом детеныша и ловко поймал со словами: – А теперь посмотрим, на что ты способен.

Усадив дитя на мягкую травку, взрослый человек, к неопишущему изумлению волка, стащил с себя шкуру и расстелил тут же прямо посреди поляны. После чего бережно пересадил на шкуру малыша, пробормотав при этом явно извиняющимся голосом:

– Прости, дружок, но для того, чтобы стать моим учеником, тебе придется провести на этой поляне всю ночь. Причем сделать это ты должен в полном одиночестве. Если к завтрашнему утру я увижу тебя на этом самом месте целым и невредимым, значит, ты получишь законное право назвать меня своим учителем. Если же нет – спишем связанные с твоим приобретением затраты по статье «непредвиденные расходы».

Оставив малолетнее чадо посреди поляны, долговязый субъект отошел от него на несколько шагов, после чего мгновенно растаял в воздухе столь же бесшумно, как перед этим появился.

«Вот оно! – ликуя, подумал волк. – Отмщение за все грехи и прегрешения рода людского перед благородным волчьим племенем! Сейчас я подойду к этому человеческому зверенышу и исполню свое великое предназначение, ради которого всемогущий Бог Леса сделал так, чтобы Острый Коготь оказался в нужное время в нужном месте».

Не сдержав охвативших его эмоций, Острый Коготь задрал морду и огласил Ведьмин лес леденящим душу воем, от которого все окрестное зверье немедленно попряталось по норам.

Однако это жуткое «пение» ничуть не испугало человеческого детеныша. Ребенок счастливо улыбался и бесстрашно пялился своими ясными, как безоблачное небо, широко вытаращенными глазенками на чудеса и диковинки, его окружавшие. Время от времени он протягивал свои еще очень слабые и неуверенные ручонки к цветку или травинке, но не рвал их со свойственной детям неосознанной жестокостью – лишь легонько касался или поглаживал. При этом он заразительно смеялся, будто получал от процесса общения с представителями растительного мира несказанное удовольствие.

Каково бы ни было ликование Остроного Когтя, бдительности старый волк не потерял. Он не бросился сломя голову к своей будущей жертве, а по-пластунски, соблюдая все меры предосторожности, выполз на поляну и так же неспешно направился к человеческому младенцу. Удаляясь все дальше и дальше от спасительной кромки леса, зверь ощущал себя весьма неудобно, но внезапно возникшая жажда мести толкала его на, казалось бы, абсолютно неоправданный с точки зрения здравого смысла поступок. Острый Коготь звериным чутьем уже давно понял, что взрослый двуногий самец вовсе не собирается возвращаться за своим детенышем до наступления сумерек, а в темное время, даже при полном отсутствии хищников, человеку здесь не выжить, поскольку колдовской туман в считанные мгновения высосет из него все жизненные силы. Однажды волк имел сомнительное удовольствие наблюдать, как это случилось с двумя залетными ротозеями, решившими по глупости, незнанию или еще какой причине переночевать в Ведьмином лесу. Он до сих пор с душевным содроганием вспоминает, как эта парочка,

обхватив головы руками, оглашала лес громкими воплями. Впрочем, длилось это недолго – буквально через минуту они навеки умолкли с выпученными глазами и вывалившимися языками. Точно так должно произойти и на этот раз. В таком случае, к чему весь этот риск с выходом на открытое пространство?

Острый Коготь, хоть и был тертым калачом, не привыкшим рисковать без особой нужды собственной шкурой, сегодня сам себе удивлялся. С одной стороны, инстинкт самосохранения подсказывал ему не высовывать нос из лесной чащи, с другой – им двигало непреодолимое желание отомстить всему роду людскому, поступив точно так же, как обычно поступают с его соплеменниками люди. Тело старого волка била нервная дрожь от предвкушения того момента, когда его еще довольно сильные челюсти сомкнутся на беззащитной шейке странного безволосого существа и пасть наполнится вкусной горячей кровью, а на зубах захрустят нежные детские косточки.

Когда расстояние между зверем и маленьким человеком сократилось до одного волчьего прыжка, весело гукающий детеныш отвлекся от изучения травинки и цветов и наконец-то заметил приближающегося хищника. При виде оскаленной волчьей морды ребенок вовсе не испугался, а радостно взвизгнул и протянул свои слабые ручонки навстречу готовящемуся к роковому прыжку охотнику.

В этот момент внутри злобного зверя, готового растерзать ненавистное человеческое отродье, что-то внезапно оборвалось. Он вдруг осознал, что не сможет вот так запросто убить существо, протянувшее к нему руки совсем не для того, чтобы ударить. К столь разительной перемене своего настроения Острый Коготь совершенно не был готов, поэтому он, приняв боевую стойку, еще немного порывал, пытаясь воскресить ушедшую куда-то ненависть. Только не подумайте, что матерый волчара каким-то расчудесным образом вдруг проникся любовью ко всему роду человеческому. Людей он по-прежнему не любил и боялся, но конкретно это существо не только не вызывало в нем чувство ненависти, наоборот, он вдруг увидел в сидящем посреди лесной поляны ребенке вовсе не человека, а маленького щенка, нуждающегося в постоянной защите и опеке.

Обескураженный волк постоял еще какое-то время, молча взирая на подползавшего к нему малыша, и, совсем по-человечьи помотав головой, как бы сам себе удивляясь, заковылял к младенцу. Острый Коготь вдруг осознал тот факт, что в его затворнической жизни неожиданно-негаданно произошли кардинальные перемены, а именно – появилась ясная конкретная цель. И цель эта заключается в том, чтобы защищать это слабенькое, еще пахнущее материнским молоком тельце от любых невзгод и опасностей, будь то лихой человек, хищный зверь или даже ненасытный туман, высасывающий человеческие души. Острый Коготь вдруг вновь ощутил себя тем прежним молодым и сильным волком, готовым вести грозную стаю на охоту или кровавую разборку с другой волчьей стаей, рискнувшей вторгнуться на территорию, испокон веку принадлежавшую его племени.

Подойдя к ребенку, зверь тщательно вылизал его мордашку своим шершавым языком. От щекотки или по какой другой причине мальчишка во время данной гигиенической процедуры просто исходил звонким хохотом, который более всего походил на визг только что народившегося щенка. При этой мысли сердце закаленного во многих битвах воина сжалось в необъяснимой тоске.

Близость пахнущего острым человеческим потом кожаного плаща здорово смущала зверя, поэтому он, соблюдая все меры предосторожности, перехватил своей огромной пастью тельце малыша и неспешно, чтобы не прокусить или не поцарапать ненароком нежную кожу, направился к краю поляны, поближе к спасительной чаще. Впрочем, покидать поляну совсем он не собирался. Положив ребенка на прогретую солнцем землю, Острый Коготь прилег рядышком, потеснее прижавшись к теплоте тельца своим лохматым боком.

– Сегодня отдохнем, – тихонько просвистел на своем волчьем языке зверь, – а завтра добрый дядюшка волк с утра пораньше сбегает в лес и добудет молодого кабанчика или еще какую зверюшку, вот тогда малыш напьется свежей крови, после чего станет настоящим волком...

Острый Коготь еще долго что-то тихонько выводил своим носом на высоких, едва уловимых для человеческого уха звуковых частотах, а мальчик, наострив ушки, внимательно его слушал. Со стороны могло показаться, что он прекрасно понимает то, о чем старается поведать ему его новый друг и защитник. Однако очень скоро убаюканный волчьими посвистываниями малыш мерно засопел, время от времени сладко причмокивая во сне.

Между тем солнце полностью закатилось за горизонт, и на Ведьмин лес опустилась крошечная мгла. Несмотря на то, что в небе вспыхнули рои ярких звезд, всякому человеку было бы здесь не очень уютно, поскольку ночь в дремучем лесу сильно отличается от той же самой ночи в каком-нибудь большом городе или даже маленькой деревне. С другой стороны, для волка лес был родной стихией, и ему вряд ли было бы уютно даже в самом комфортном человеческом поселении.

Острый Коготь обернулся калачиком вокруг спящего ребенка, чтобы ночная прохлада ненароком не пробрала его нежное тельце. Ночь хоть и была достаточно теплой, но сомнительная одежка малыша и его лишенная волос кожа здорово смущали заботливую «нянечку» и вызывали разного рода опасения.

Задрав свой влажный нос кверху и наострив уши, зверь отслеживал малейшие изменения окружающей среды. Вот что-то зашуршало у корней одного из нелепо перекрученных лесных великанов. Ага, это глупый молодой бурундук копается своим острым носиком в прелой листве в поисках семян, орехов и непроросших прошлогодних желудей. Не будь рядом человеческого детеныша, Острый Коготь обязательно попробовал бы на зуб аппетитного бурундучка, хоть мяса в нем кот наплакал. Затем, будто специально для того, чтобы подразнить хищника, в паре шагов от его морды пробежала жирная и очень аппетитная лесная мышь. Впрочем, убежать ей удалось не очень далеко – с ветки одного из деревьев сорвалась темная тень и, камнем свалившись на беспечного зверька, ненадолго закрыла его от волчьих глаз. В следующее мгновение удачливый охотник уже находился в воздухе с зажатой в крючковатом клюве трепещущей добычей...

Подобное буйство продолжалось, пока Полночная звезда неторопливо ползла вверх по небосклону. После того, как звезда приблизилась к своему апогею, всякое шевеление вокруг начало затихать, и очень скоро в Ведьмином лесу воцарилась неестественно мертвая тишина. Казалось, даже легкий ночной ветерок, весело резвившийся до этого в кронах древесных патриархов, испугавшись чего-то, затаился на время или умчался в какое-нибудь другое место.

Лишь только окруженная колючими лучиками яркая точка на небосводе, преодолев подъем, приступила к спуску, над поверхностью земли начала подниматься белесовато-прозрачная субстанция. Острога Когтя в этот момент охватила такая смертельная тоска, что ему захотелось задрать морду к небесам и завывать громко и протяжно, чтобы в ответ услышать точно такой же леденящий душу вой своих соплеменников. Невероятным усилием воли зверю удалось подавить рвущийся из горла душевный крик в самом его зародыше. Острый Коготь не мог наверняка ответить на вопрос, что конкретно могло бы с ним произойти, поддайся он этому порыву, но звериный инстинкт, которому он за свою весьма долгую для волка жизнь привык доверять без каких-либо дополнительных размышлений, однозначно предупреждал – ничего хорошего от столь необдуманного поступка ждать не приходится.

Между тем клубящиеся струи загадочного тумана начали наливаться призрачным зеленоватым светом. Поначалу сияние было слабым, еле заметным, но буквально через несколько минут Ведьмин лес высветился так, словно в воздух поднялись мириады ярких светлячков.

На этом чудеса и сюрпризы вовсе не закончились. Подчиняясь чьей-то злой воле или какой-то заранее заданной программе, зеленоватые клубы светящейся субстанции зашеве-

лились еще активнее и начали трансформироваться в такие ужасные образы, что у видавшего виды волка шерсть на загривке поднялась дыбом, а из глотки непроизвольно вырвался негромкий, но очень грозный рык. В следующий момент сонмы чудовищ – страшных порождений древней магии неторопливо направились к спящему мальчику и яростно оскалившемуся волку.

Все-таки, несмотря на закрывшийся в душу страх, Острый Коготь был настроен весьма решительно. Если бы в данный момент перед ним находился не иллюзорный фантом, а настоящий враг из плоти и крови, он, как истинный боец, незамедлительно вступил бы с ним в смертельную схватку, невзирая на его комплекцию и физическую форму. Это не пустые слова и не хвастливая бравада – с некоторых пор старый волк считал своей прямой обязанностью защищать человеческого детеныша от любой напасти, хотя бы ценой собственной жизни.

К сожалению, перед отважным зверем сейчас не было ни какого-нибудь враждебно настроенного соплеменника, ни грозной, но очень осторожной росوماхи, ни косолапого медведя – хозяина леса. Перед ним находился противник, для которого когти и клыки его не представляют никакой опасности и убежать от которого он и мальчик были неспособны. Хотя сам Острый Коготь вполне мог бы спастись, прыгнув в чащу леса и затаившись там до первого луча утренней зари. В этом случае туман его не тронет, ибо колдовскую субстанцию не интересует волк, даже столь умный и решительный. Древняя магия всего лишь пугает таких, как Острый Коготь, но охотится она исключительно за такими, как этот маленький человечек, и прочими людьми и, конечно же, за теми, кто встает у нее на пути. Но, поскольку бывший вожак стаи уже сделал свой выбор, пусть и не вполне логичный с точки зрения инстинкта самосохранения, он понял и успел смириться с мыслью, что до первого луча дневного светила не доживет.

«Ну и пусть, – обреченно думал зверь, – может быть, мне удастся отвлечь внимание этой мерзости на себя и оттянуть гибель детеныша».

Преодолевая первобытный ужас перед кошмарными порождениями светящегося тумана, гордый волк издал столь грозный рык, что кривляющиеся рожи и щупальца, обступившие их со всех сторон, подались чуть-чуть назад. Воодушевленный этой пусть незначительной, но вполне явной победой, волк собрался издать еще более устрашающий рев, забыв о том, что рядом безмятежно посапывает малое дитя. Но этому не суждено было случиться.

Малыш проснулся, но не испугался и не заплакал. Он всего лишь захлопал спросонья своими глазенками и с удивлением начал разглядывать окружающую обстановку. При этом мальчик радостно гукал и чмокал, словно вид леденящих душу образов доставлял ему несказанное эстетическое наслаждение. Затем младенец своими слабенькими ручками неожиданно цепко ухватился за шерсть стоящего рядом волка и попытался, может быть, впервые в жизни встать на ноги. К величайшему удивлению самого мальчика, этот маневр у него получился довольно легко. Теперь перед лицом страшной опасности стояли два бойца: изрядно потрепанный жизнью хищник и беззащитный маленький человечек – определенно, крайне забавная команда. Однако то, что произошло в следующее мгновение, выходило за рамки понимания не только видавшего виды Острого Когтя, но и любого здравомыслящего существа, если бы таковое ненароком оказалось неподалеку.

Радостно бубня что-то неразборчивое себе под нос, несмысленный младенец зашевелил перстами свободной руки. Так продолжалось около минуты. Сразу же после того, как малыш прекратил свои ведомые лишь ему одному манипуляции, посреди поляны, как раз над тем местом, где остался лежать расстеленный плащ, вспыхнул невыносимо яркий шар метрового диаметра. Появление столь мощного источника света не было не замечено туманной субстанцией. Страшные образы заколебались и начали расплываться, вновь превращаясь в белесоватую пелену. Тем временем сам колдовской туман, словно почувствовав губительное свойство огненной сферы, попытался уползти как можно дальше в лес, но это ему не удалось. Вскоре характер свечения шара резко изменился, с нарастающей частотой он начал пульсиро-

вать, увеличиваясь и уменьшаясь в размерах. Мало того, за время каждой пульсации он успевал поменять спектр своего излучения от ультрафиолетового до инфракрасного. Огненный шар, подобно мощному пылесосу, принялся втягивать в себя колдовскую субстанцию. На глазах потрясенного до глубины своей волчьей души Острого Когтя остаточный продукт колдовских манипуляций древних чародеев, терроризировавший окрестности на протяжении многих веков, втягивался внутрь пульсирующего шара, будто дым в печную трубу. Что же касается малыша, заварившего всю эту кашу, он лишь радостно взвизгивал, пританцовывал на своих кривоватых ножках и время от времени похлопывал ладошкой по лохматому боку зубастого опекуна.

В конце концов, новые порции колдовского тумана перестали поступать внутрь загадочного шара. Без дополнительной подпитки он поначалу стал уменьшать частоту своих пульсаций и еще через какое-то время сжался до размеров небольшого арбуза. При этом он засверкал и стал переливаться чистым голубым светом, подобно подсвеченному драгоценному сапфиру, достойному стать главным украшением короны какого-нибудь могучего монарха.

На самом последнем этапе своей трансформации «сапфир» начал неравномерно тускнеть, но совсем не погас, а стал вращаться вокруг собственной оси, расположенной перпендикулярно поверхности земли, при этом он издавал громкое шипение, каким обычно сопровождается соприкосновение раскаленного металла с водой. Вскоре шар раскрутился до такой скорости, что в результате вращения центробежные силы заметно сплющили его с полюсов, и по форме он теперь скорее походил на обыкновенную тыкву. В какой-то неуловимый для реакции живого существа момент вращающаяся с бешеной скоростью «тыква» исчезла из поля зрения наблюдателей, а вертикально вверх ударил ослепительно яркий луч света. На несколько кратких мгновений огненный столб разогнал тьму, озаряя Ведьмин лес и высвечивая каждый его потаенный уголок своим завораживающим и вместе с тем пугающим светом, после чего бесследно растаял в непроглядном ночном мраке.

Острый Коготь несколько раз чихнул – яркий свет вызвал невыносимое щекотание в его чувствительном носу – и, закрыв глаза, резко замотал головой, отгоняя прочь назойливые звездочки и светящиеся пятна, в преогромном количестве мельтешащие прямо перед его мордой. Кое-как избавившись от этих навязчивых «букашек», волк обратил все свое внимание на присевшего на травку откровенно зевающего мальчика, потерявшего всякий интерес к любым чудесам и диковинам. Каким-то шестым волчьим чувством он понял, что благодаря этому малышу Ведьмин лес отныне перестал быть опасным для зверей и людей. Серый не стал долго размышлять над этим чудесным фактом, а принял его как данность, ниспосланную свыше. Он лишь проникся еще более теплыми чувствами к такому маленькому, но, как оказалось, очень непростому комочку живой плоти. Еще старый волк понял, что отныне судьба этого человеческого детеныша и его собственная неразрывно переплетены между собой, и разлучить их способна лишь смерть одного из них.

В то время как зверь стоя размышлял о странных сюрпризах, которые на старости лет преподнесла ему судьба, малыш свернулся калачиком и безмятежно засопел, препоручив дальнейшую заботу по своей охране лохматому другу. Впрочем, в радиусе десятка верст от этой поляны вряд ли отыскался бы кто-нибудь, способный хоть как-то навредить этой парочке. А если учесть скрытые возможности беззащитного на вид детеныша, едва ли вообще кто-нибудь в этом или каком другом мире был в силах их одолеть.

Острый Коготь прилег рядом, прижавшись потеснее к малышу. Какое-то время он внимательно вглядывался в темноту или, задрав нос, принимался к весьма информативным запахам ночного леса. После того, как потревоженное зверье немного поутихло, он наконец погрузился в беспокойный звериный сон, умудряясь при этом полностью держать под контролем окружающую обстановку. На протяжении всей ночи старый волк неоднократно просыпался и вновь впадал в сонное оцепенение. Во сне он видел яркие сочные видения, в которых сам был

совсем еще зеленым щенком, либо молодым сильным вожаком волчьей стаи. Стоит отметить, что сны про старость Острого Когтя никогда не посещали.

Едва лишь первые лучи солнца обагрили восточную часть небосклона, а черное небо начало приобретать серовато-голубоватый оттенок, воздух в самом центре поляны плавно заструился, и рядом с брошенным плащом материализовалась долговязая фигура седого как лунь человека. На сей раз Его Магическая Милость был облачен в темно-синюю робу, на правом рукаве которой не составляло труда разглядеть весьма замысловатый узор, означающий, что владелец этой одежды ни много ни мало посвященный высшего уровня.

К своему неопишуемому удивлению, старик обнаружил оставленного им ребенка не только в добром здравии, но и в компании пожилого облезлого волчары, не сводившего с мальчика любящего отеческого взгляда.

Пацан, как ни в чем не бывало, пускал изо рта пузыри и с интересом рассматривал еще не успевшее остыть полосатое тельце мертвого бурундука, пойманного заботливым волком пять минут назад. Острого Когтя здорово сердила бестолковость мальчика, не желавшего запускать три своих недавно проклюнувшихся зуба в живую плоть грызуна, чтобы насладиться его еще не свернувшейся восхитительной кровью и не менее вкусным мясом. Волк всеми известными ему способами пытался доходчиво объяснить непонятливому мальчишке, для чего в природе существуют бурундуки, мыши, зайцы и прочие бегающие и прыгающие деликатесы.

Но глупый человечек никак не мог взять в толк некоторые очевидные истины, без знания которых в диком мире существует всего лишь один путь – прямиком в брюхо более сильного и удачливого охотника. Он сидел на влажной от росы травке и с нескрываемым интересом дергал за усы и пушистый хвост задушенного волком грызуна. Острый Коготь тем временем очень ловко подцепил лапой одну из пяти валяющихся перед ним полевок, подбросил в воздух и, весьма наглядно щелкнув челюстями, отправил добычу в свой желудок. Столь живописный фокус вызвал у не желавшего перенимать полезный опыт нерадивого ученика приступ неконтролируемого веселья. Отбросив в сторону надоевшего бурундука, мальчик захлопал в ладошки, требуя продолжения понравившегося ему циркового аттракциона. Однако рассерженный и обиженный до самой глубины своей волчьей натуры Острый Коготь не пожелал становиться пустой забавой для горячо обожаемого им существа, тем более, даже волку было очевидно, что мальчишка вовсе не страдает недостатком аппетита. При всей своей жизненной мудрости бывший вожак стаи никак не мог взять в толк: что же, в конце концов, не устраивает мальчишку в предлагаемом ему угощении? Но это была не его вина, а скорее беда, поскольку сам он теперь вряд ли помнил, как много-много лет назад стрелой мчался к своей обожаемой матушке, чтобы, опередив братьев и сестер, первым припасть к ее наполненным молоком сосцам.

Острый Коготь громко зарычал и хотел по старинной волчьей традиции наградить неумеху легким назидательным укусом. Однако, вовремя вспомнив, что перед ним не его волосатый соплеменник, а существо тонкокожее, принял решение отложить воспитательный процесс на неопределенный срок.

«Проголодается, – философски подумал он, – быстро научится шевелить челюстями».

Раздосадованный учитель даже умудрился пропустить появление нового действующего лица. Зато от внимания сидевшего лицом к поляне мальчика материализация старого знакомого, оставившего его на произвол судьбы в диком лесу, никоим образом не ускользнула. Малыш вовсе не был вредным злопамятным существом и при появлении Мага восторженно замахал ручонками, а в качестве своеобразного салюта выдал серию из десятка слюнявых пузырей, при этом его мордашка расплылась в счастливой широкой улыбке.

– Гу, гу... бу, бу... га... мя, мя, мя! – пролепетал младенец, что, по всей видимости, должно было означать: – Привет, старина! Где это ты так долго пропадал?! Много потерял, дружище!

Однако Острый Коготь вовсе не разделял оптимизма малолетнего несмышлениша, поскольку прекрасно помнил, благодаря чьим заботам беззащитное существо оказалось ночью в окружении диких животных и страшных призрачных монстров. Весь его предыдущий опыт подсказывал ему, что предавший однажды непременно предаст и во второй раз, а подлый поступок взрослого существа по отношению к детенышу своего же вида иначе как откровенное предательство он расценить не мог. Волк развернулся мордой к человеку, оскалился, продемонстрировав незваному гостю все еще вполне внушительные остатки зубов, и, припадая брюхом к земле, грозно зарычал – негромко, но весьма убедительно.

– Но, но, волчара! – ничуть не испугавшись, Маг рассмеялся прямо в оскаленную пасть дикого зверя. – Умерь пыл, иначе превратишься в беззубого инвалида, пригодного лишь для ловли мышей, крыс и жирных червей! Никто этого мальчика обижать не собирался и не собирается, просто у людей свои законы, иногда, как это ни парадоксально, менее гуманные, нежели в волчьей стае.

Независимый вид незваного гостя несколько смутил волка, и он, подчиняясь древнейшему из всех инстинктов – инстинкту самосохранения, решил все-таки отложить атаку – а вдруг долговязый испугается и уберется восвояси без ненужной драки.

Тем временем старик осмотрелся вокруг, поводит носом и, удовлетворенно хмыкнув, восторженно воскликнул:

– Ух ты! А пацан-то, оказывается, у нас не прост, очень даже не прост! Я надеялся, что все пройдет чин чином – он закроется, и туман его не заметит. А малец эвон как размахнулся – весь полог одним махом к ядрене фене... силен, братец, слов нет!

Сказав это, старик направился, было к сидящему на траве мальчику, но Острый Коготь был начеку. Поняв, что его хотят лишить только что приобретенной радости в лице жизнерадостного человечка, он угрожающе ощерился и начал группироваться, чтобы в мощном прыжке вцепиться в горло наглого пришельца, поначалу бросившего ребенка на произвол судьбы, а теперь пытающегося его отобрать.

«Не бывать этому, – решил старый волк, – костями лягу, но не допущу, чтобы кто-то отнял у меня этого щенка».

Однако в планы человека вовсе не входила схватка с диким зверем. Старик лишь мельком посмотрел напрягшемуся волку в глаза, и того мгновенно охватило необъяснимое оцепенение. Острый Коготь с ужасом осознал, что сильное и доселе такое послушное его воле тело перестало ему подчиняться. Он попытался освободиться от невидимых оков, но не смог пошевелить даже хвостом. Мышцы как будто сковало лютым холодом. Благо ему сохранили способность дышать, в противном случае он тотчас рухнул бы замертво. Впервые в жизни старый волк почувствовал столь всепоглощающий ужас, что страх перед иллюзорными порождениями колдовского тумана был всего лишь его слабой тенью или далеким отголоском.

Между тем пришелец, не обращая более никакого внимания на обездвиженного зверя, направился к мальчику. После того, как он взял ребенка на руки, его физиономия брезгливо скривилась.

– Фу, навалил-то! И чем же это тебя так накормила твоя мамочка, что из тебя повылезало больше, чем ты сам вешишь?! – Затем он критически покачал головой и с улыбкой добавил: – Ничего, паря, потерпи малость. Скоро окажемся дома, там тебе будет и стол, и кров, и теплая ванна в обязательном порядке.

С этими словами он извлек прямо из воздуха какую-то цветастую тряпку и, неумело обмотав ребенка ниже пояса, чтобы самому не перепачкаться в дурно пахнущей детской неожиданности, собрался уже покинуть лесную поляну. Но не успел он совершить все необходимые манипуляции, как «замороженный» волк издал леденящий душу тоскливый вой, а мальчик быстро-быстро засучил своими тоненькими ручонками, дернул старика за бороду и, указав на волка, самым серьезным тоном произнес:

– Вава... мя! Мня вава... агу!

– Да зачем он нам нужен – старый, облезлый, наполовину беззубый волчара?! – запротестовал Маг, вполне осознав, чего добивается от него малыш.

– Вава агу! – не сдавался мальчик.

Столкнувшись со столь явным упорством, чародей не стал особенно возражать. Он пожал плечами и широко улыбнулся.

– Ну что же? Вава так вава, мя так мя. Если ты так настаиваешь, возьмем с собой этот мешок с костями. – Затем он оценивающе посмотрел на притихшего лесного зверя и добавил: – В общем-то, преданный друг никому еще не помешал. Что касается его шелудивости, паршивости, беззубости и прочих недостатков, так мы это мигом исправим, и станет он у нас как новенький.

В следующий момент Острый Коготь почувствовал, что его членам вернулась былая подвижность. Он сладко потянулся и вопросительно посмотрел на чародея. Зверь был мудр, не даром в свое время на протяжении многих лет держал грозную волчью стаю в узде, поэтому прекрасно осознавал элементарную истину: не хочешь стать изгоем, изволь подчиняться вожаку. А вожаком в данный момент здесь был долговязый седой старик, на руках которого сидело то единственное во всей вселенной существо, за которое ему было бы не страшно отдать собственную жизнь.

– Итак, шелудивый, – обратился к волку Маг, – если желаешь присоединиться к нашей компании, вставай рядом со мной, а если тебе дорога свобода, отправляйся с миром в свой лес.

С трудом преодолевая смешанное чувство гордости и страха, Острый Коготь пригнул голову к земле и направился к человеку. При этом он непроизвольно издавал грозное утробное рычание.

– Вот и хорошо! – широко улыбнулся чародей. – Теперь домой!..

После этих слов колдуна необычная троица бесследно растворилась в воздухе, оставив после себя лишь запах человека, волка и расстеленный посредине поляны кожаный плащ, о котором его бывший хозяин так и не удосужился вспомнить.

Глава 3

Ровный гул мощных двигателей комфортабельного «А-320» едва ощущался в салоне первого класса и совершенно не мешал плавному ходу моих мыслей. Откинувшись на спинку мягкого кресла, я любовался проплывающей далеко внизу ослепительно-белой пеленой сплошной облачности. Со стороны могло бы показаться, что я нахожусь в состоянии глубокой задумчивости, но на самом деле в голове было абсолютно пусто. То есть я не совсем правильно выразился – какие-то мысли там витали, поскольку для того, чтобы полностью выкинуть все из головы, мне пришлось бы войти в состояние глубокого медитативного транса. Но поскольку в данный момент передо мной не стояла какая-то определенная задача, требующая предельной концентрации, я попросту сидел и тупо пялился на облака.

Веселое щебетание стюардессы, предлагающей пассажирам напитки, сладости, фрукты и прочие мелкие радости для услаждения души и плоти, на какое-то время отвлекло меня от созерцательного состояния. От выпивки и сладостей я отказался – рановато, к тому же впереди без малого пять часов лету, так что успеется.

После того как девушка вместе со своей тележкой покинула салон, я вернулся к прерванному занятию. За то время, пока я любовался точеной фигуркой эйр-хостис, сплошной массив облачности остался где-то позади. Далеко внизу сквозь туманную дымку можно было явственно рассмотреть размытые очертания береговой линии континентальной Европы. Я не такой уж великий знаток географии Земли, но мне показалось, что под крылом самолета в данный момент проплывает французский Кале. Впрочем, я мог и ошибаться.

В конце концов мне надоело мое занятие, оторвавшись от иллюминатора, я в очередной раз обвел взглядом пассажиров привилегированного класса. Ничего особенного – люди как люди, только немного переплатили за право путешествовать в носовой части самолета, подальше от воющих турбин и в непосредственной близости от экипажа. От нечего делать я поудобнее устроился в кресле и, закрыв глаза, решил немного понаблюдать за соседями посредством своего экстрасенсорного восприятия. Уверяю, что ничего патологического в этом моем стремлении не было – провожу подобные опыты исключительно из любви к науке и разного рода упражнениям для ума, заодно выявляю присутствие на борту неуравновешенных личностей, способных серьезно испортить настроение мне и прочим нормальным людям. Кроме того, подобные занятия здорово помогают адаптироваться в новой для меня среде.

На этот раз я решил ограничиться поверхностным изучением общего эмоционального фона своих попутчиков. Если бы мне до этого не доводилось бывать в России, я бы сейчас обязательно взял в оборот какого-нибудь ее гражданина посмышленнее и за пару-тройку часов вполне овладел навыками разговорного языка, вдобавок обзавелся кучей знаний о привычках и традициях ее коренных жителей. Но я уже неоднократно бывал в Москве и Петербурге и русский знал не хуже своего родного языка. К тому же в России у меня куча хороших знакомых. По этой причине я хоть и попросил забронировать для себя номер в отеле, вряд ли мне придется там жить продолжительное время. По опыту прошлых визитов в эту бесспорно загадочную страну я успел убедиться в том, что всякий более или менее серьезный разговор заканчивается здесь либо хорошей пьянкой, либо хорошей пьянкой вкупе со славным мордобоем. Причем мордобоем по сугубо принципиальным соображениям. Но самое главное, всякому уважаемому гостю там непременно предоставят на неограниченный срок и кров, и стол.

Вообще-то по своей натуре я существо сдержанное, можно сказать, предельно закрытое и отношусь ко всяким бурным проявлениям эмоций не то чтобы негативно, скорее, с определенной невозмутимостью, но даже мне ни разу не удавалось избежать магического обаяния русского застолья, когда квартира хозяина превращается в некий симбиоз проходного двора и рюмочной. Заходи, гость дорогой, кем бы ты ни был, свободный стакан для тебя обязательно

найдется. Принес с собой пузырь – отлично. Не принес, не парься – водки на всех хватит. Только будь готов, дружище, в один прекрасный момент получить в табло по самому пустяковому поводу, ежели, конечно, не успеешь вовремя унести ноги. Впрочем, я вовсе не уверен в том, что столь безалаберное отношение к жизни свойственно всему народонаселению этой страны, поскольку все мои наблюдения подобного рода касаются лишь его богемной части.

Я вдруг вспомнил, как несколько раз в пьяном угаре посредством своих кулаков доказывал особо ретивому почитателю того или иного художественного направления полную несостоятельность его взглядов. Или с энергией озабоченного самца марала вступал в схватку с конкурентом за право обладания какой-нибудь дамой, которую в нормальном своем состоянии вряд ли удостоил бы мимолетным взглядом. И о том, какой стыд испытывал на следующее утро после очередного подобного фортеля, проснувшись неизвестно где и непонятно с кем в одной постели.

Один мой близкий знакомый, между прочим, очень талантливый художник, говаривал после очередной такой попойки, поднося с утра пораньше к моему носу лафитник с водкой и маринованный огурчик на вилке:

– Не расстраивайся, дорогой Ивэн, объясняю тебе как бестолковому немцу, неспособному постичь самые элементарные истины: этот твой стыд суть самая возвышенная эманация, ради которой и устраиваются безобразия, подобные вчерашнему. В старину, после эдакой похабщины, люди ходили сначала в баню, а потом в храм и сутками замаливали грех. Ибо искренне считали: не согрешишь – не покаешься, не покаешься – не спасешься. Нам же, индивидам, пребывающим в перманентном состоянии соития с божественной сущностью, каяться ни к чему – все равно после нашего ухода мы обречены попасть прямиком в Рай, как существа наивные, ищущие, ошибающиеся, оттого беззаветно любимые Господом нашим. Ибо сказано в Писании... – После чего следовала пространная философская галиматья, подводящая псевдонаучное обоснование насущной необходимости похмелиться по утруне...

Энергично помотал головой, чтобы отогнать яркий образ обросшей длинной нечесаной шевелюрой и окладистой бородищей образины своего приятеля-художника. Затем легко скользнул в астрал, захватывая постепенно в сферу своего сверхтонкого восприятия всех находящихся в самолете пассажиров, а также его экипаж.

Войдя в режим, позволяющий манипулировать тонкими и сверхтонкими энергиями, поначалу ничего необычного не заметил. Заурядный психоэмоциональный фон обыкновенного рейса. Впрочем, «заурядный» даже для землян, привыкших к подобным перелетам, звучит не совсем правильно, поскольку всякое разумное существо, оказавшись в непривычной обстановке, вольно или невольно начинает испытывать нервный стресс. И не важно, трясется ли оно от страха в постоянном ожидании падения небесного судна или, надев наушники, смотрит забавную киношку на встроеном в спинку переднего кресла экране.

Вообще-то даже поверхностное сканирование более чем полутора сотен сознаний является весьма утомительным занятием, поскольку требует значительных затрат психофизической энергии. Однако занимался я этим вовсе не из праздного любопытства и любви к абстрактному знанию. Пару лет назад, еще в один из первых полетов, меня угораздило очутиться в одном самолете с организованной группой террористов, планировавших захват судна. Тогда мне пришлось хорошенько провентилировать мозги ребятам так, что те забыли напрочь, с какой целью оказались на борту. Очухались они уже на земле после того, как их полностью разоружили, а также изъяли у них взрывные устройства. С этими я особенно не церемонился и орудовал в их головах как бог на душу положит, поэтому без особого удивления узнал из газет о том, что все они без исключения рано или поздно оказались в психушке. Впрочем, не могу утверждать со стопроцентной уверенностью, что сему причиной стали именно мои манипуляции с их сознаниями, поскольку уже в момент нашего знакомства те парни вряд ли находились в

полном душевном здравии. Разве может нормальный человек, в угоду даже самым благородным устремлениям, ставить на кон жизни десятков и сотен людей?

Сделав вывод о том, что никаких злоумышленников, планирующих угон самолета, на борту не наблюдается, я собирался покинуть мир тонких астральных тел и вернуться в свое обычное состояние. Но тут мое обостренное внимание привлекло едва приметное образование, пульсирующее туманным облачком в левом двигателе аэробуса. Хорошенько присмотревшись, я возблагодарил Провидение за то, что оно вовремя подвигло меня погрузиться в сферы сверхтонких материй, а заодно – Учителя, под мудрым руководством которого я научился контролировать свои врожденные способности мага. И в то же время моему удивлению не было предела, поскольку в этом странном феномене я узнал нечто такое, чего в данном измерении по ряду причин просто не могло существовать. Чтобы проверить свои подозрения, осторожно потянулся к туманной субстанции, затаившейся в одном из самых уязвимых мест самолета. Беглого взгляда мне было достаточно для того, чтобы понять, что это такое и какими бедами чревато для людей, находящихся на борту воздушного судна. Я постарался максимально абстрагироваться от всех раздражающих факторов и еще раз внимательно осмотрел загадочное образование.

Несомненно, это было какое-то достаточно заковыристое заклинание. Ничего конкретного о его характере и свойствах я пока сказать не мог, поскольку даже самая простенькая магическая формула, облаченная в материальную конструкцию, требует кропотливого труда для постижения ее сущности. Единственное, что я мог утверждать с полной определенностью, было то, что тот, кто наложил данное заклинание на двигатель аэробуса, сделал это вовсе не для того, чтобы самолет благополучно добрался до конечного пункта назначения. И еще до моего сознания дошло то, что, оказывается, кроме меня в настоящий момент на Земле имеются чародеи, способные оперировать достаточно сложными метафизическими формулами и построениями.

Но этого не может быть – во всей Ойкумене дорогу в этот мир знают всего два разумных существа: я и Учитель. Насколько мне известно, Учитель в данный момент находится при своих балбесах-студизусах. Но даже в том случае, если ему вдруг взбрело в голову посетить измерение под названием Земля и, как в старые добрые времена, устроить какую-нибудь каверзу своему бывшему ученику, он ни при каких обстоятельствах не нарушил бы Священную Хартию и не поставил под удар жизни ни в чем не повинных пассажиров авиалайнера. Скорее он заманил бы меня в какую-нибудь хитроумную ловушку или устроил «сезон фатальной неведухи», да мало ли что может придумать старый затейник. Но преступить главный закон, ограничивающий чародейский беспредел в Межмирье, он вряд ли способен.

Отсюда можно выдвинуть ряд догадок относительно появления на борту самолета довольно сложного заклинания.

Во-первых, Учитель мог поделиться с кем-то из своих адептов координатами данного мира. Впрочем, это вряд ли – не в привычках старика вот так запросто разбазаривать особо ценные знания, накопленные им за время его многовековых метаний по Межмирию. Сам я лишь случайно, точнее, за счет своего феноменального проворства сумел разведать путь в эту нестандартную вселенную. К тому же, даже если какому-нибудь магу стало известно местоположение Земли, вряд ли его заинтересовал бы этот техногенный мирок, поскольку в традиции чародейского сословия – с откровенным небрежением относиться к потугам обыкновенных смертных заменить благородную магию разного рода механическими штучками. При других обстоятельствах я и сам ни за что не задержался бы здесь более чем на неделю, если бы случайно не наткнулся на кое-что, крайне меня заинтересовавшее. А для того, чтобы иметь возможность продолжительное время находиться на Земле, мне пришлось вернуться в мир Аурениуса и специально заняться решением проблемы пополнения запасов магической энергии в моем организме.

Во-вторых, кто-то из магов мог чисто случайно наткнуться на этот мир. Опять-таки, согласно вышеперечисленным причинам, надолго он здесь вряд ли пожелал бы остаться. А впрочем, не исключена возможность, что он так же, как я, обнаружил на Земле нечто, заставившее его задержаться в этих краях на неопределенный срок. К тому же вряд ли что-либо может помешать ему создать пилюли концентрированной апейронной энергии, способные вполне обеспечить его автономность.

В-третьих, существует незначительная вероятность, что в этот мир проник некто, обладающий магическими способностями, вовсе не из моей Ойкумены, а из какого-либо иного домена или из вселенной с более высокой координатной мерностью.

Гипотеза о том, что чародей, способный наложить подобное заклинание, является коренным жителем Земли, отметалась мною без рассмотрения, поскольку не имела под собой никакой реальной основы. Как я уже успел отметить выше, земляне, которые без зазрения совести именуют себя магами, потомственными колдунами или колдуньями, в лучшем случае весьма посредственные экстрасенсы, а в худшем – обыкновенные шарлатаны. Ну не может, образно выражаясь, гора породить мышь, поскольку нет в этом измерении необходимых и достаточных условий для возникновения более или менее сильной личности, способной оперировать подобного рода заклинаниями.

Иных путей появления на Земле еще одного или нескольких продвинутых магов я не видел. Поэтому в качестве рабочей версии решил остановиться на том, что некий чародей, появившийся не важно из каких мест, пытается, вопреки общепринятым нормам, творить в этом измерении полнейший беспредел, втягивая в сферу своих магических экзерсисов ничего не подозревающих обывателей. Например, в данном случае это пассажиры воздушного судна. Мне было лишь непонятно, для каких целей этому или этим Некто понадобилось устраивать авиакатастрофу столь изощренным способом.

Все вышеизложенные соображения промелькнули в моей голове с невероятной скоростью. Однако долго ломать голову в бесполезных потугах получить ответы на неразрешимые в данный момент вопросы я не стал даже пытаться. Поскольку обнаруженное мной заклинание угрожало жизни и здоровью пассажиров и членов экипажа авиалайнера, возникла насущная необходимость предпринять срочные меры для его нейтрализации. Несмотря на всю серьезность положения, внутренне я усмехнулся, так как второй раз за прошедшие сутки оказался в центре драматических событий, чреватых массовой гибелью людей.

«Прям поветрие какое-то, – подумал я. – Кому рассказать, не поверят».

За неполные сутки на мою бедную голову обрушилось столько всякого, что при моем активном образе жизни за предшествующие два года не набралось, хотя, кроме случая с упомянутыми мной террористами, я умудрился также побывать в плену у банды чернокожих сомалийских весельчаков. Впрочем, это уже отдельная история. А пока меня более всего интересовало то загадочное магическое образование, которое в измерении Земля попросту не имело никаких прав на существование, и, тем не менее, вот оно – преспокойно дожидается своего часа, чтобы...

«Опять, Ивэн, ты занимаешься не тем, чем нужно, вместо того, чтобы приступить к делу!» – сердито одернул я сам себя.

Перед тем, как подступиться непосредственно к деактивации обнаруженного мной заклинания, я самым тщательным образом проверил окружающее пространство на предмет обнаружения каких-либо иных заклинаний. Такая предосторожность во время проведения подобных мероприятий вовсе не излишняя перестраховка, а жизненно важная мера безопасности. Дело в том, что многие маги преднамеренно выставляют напоказ какую-нибудь мелочовку, а основное убойное заклинание маскируют под вполне безобидный предмет, например: гранитный валун на обочине дороги, трухлявый пенек в лесу или стог сена в поле. Бывало, лишь только приступит чародей к «разминированию», а оно как жухнет, только не там, где тот ожи-

дает, в результате взамен живого мыслящего существа получаем горстку золы или, наоборот, – замороженную сосульку. Положа руку на сердце, признаюсь: сам когда-то занимался подобными вещами, избавляясь от весьма опасных конкурентов. Но это опять-таки отдельная тема для долгой, даже очень долгой беседы у камина за рюмочкой чего-нибудь горячительного.

Убедившись в том, что страхующие чары неведомыми злоумышленниками не наложены, я смело приступил к изучению обнаруженного заклинания. Соблюдая все необходимые меры предосторожности, я подкрался к равномерно сокращающемуся и разбухающему туманному облачку. Ага, кое-что стало мне понятно сразу: заклинание вовсе не боевое, скорее трансформационного плана. После его срабатывания двигатель вместе с частью крыла попросту рассыплется в молекулярную пыль. Что случится дальше, объяснять излишне. На мой взгляд, задумано топорно, хотя и вполне эффективно – ни у кого из присутствующих на борту нет ни единого шанса уцелеть после крушения, и никаких особенных записей в «черных ящиках», способных пролить свет на причины катастрофы, эксперты не обнаружат. Я представил, как через несколько часов после аварии все средства массовой информации начнут смаковать подробности крушения очередного авиалайнера, и мне, мягко говоря, стало не по себе.

«Осторожно, Ивэн! – мысленно я вновь обратился к самому себе. – Теперь от тебя требуется всего лишь нейтрализовать эту штуковину».

Данную проблему можно было решить несколькими путями: либо размотать и постепенно уничтожить саму нить заклинания, либо, не прикасаясь к чуждой магии, создать и применить нейтрализующую формулу, либо, никак не воздействуя на темное облачко, попросту изгнать его с борта самолета. Последний способ показался мне самым эффективным – нет никакой беды в том, что заклинание сработает в атмосфере. Это приведет всего лишь к расщеплению на активные атомы нескольких кубометров двухатомного кислорода с последующим образованием небольшого количества озона и окислов азота.

Так я и поступил. Оплел облачко энергетической сетью, затем постепенно, без излишней суеверности, стал вытягивать ее вместе с «уловом» за пределы корпуса самолета. Казалось бы, невесомое облачко, но для того, чтобы его отбуксировать в нужное место, мне пришлось изрядно поднапрячься, поскольку тот, кто накладывал заклинание, позаботился о том, чтобы очень тщательно «привязать» его к злосчастной турбине аэробуса.

После того, как мне все-таки удалось вытащить виртуальную «авоську» с опасным грузом за пределы зоны поражения, я смог немного перевести дух и оценить дело рук своих. Со стороны, в астрале, самолет и болтающаяся в его хвосте энергетическая сеть производили забавное впечатление. Однако мне было не до шуток – заклинание по-прежнему стремилось занять свое законное место в турбине, и удерживать его на безопасном расстоянии оказалось нелегкой задачей. По этой причине я отменил свой первоначальный замысел хорошенько изучить чужую магию, как говорится: не до жиру. Я собрал всю имеющуюся в моем распоряжении энергию и, освободив пульсирующий сгусток мрака от пут, хорошенько врезал по нему что было мочи. Получилось именно так, как я ожидал – энергетический «пинок» сработал на манер спускового устройства...

Чем все закончилось, я так и не увидел, поскольку предпочитаю держаться подальше от чужих заклинаний во время их активации. Выскочив из астрала, я узрел перед собой испуганное лицо стюардессы. Девушка смотрела на меня своими широко распахнутыми глазами, губы ее шевелились, но звук голоса не воспринимался моим слуховым аппаратом. Так иногда бывает после особенно глубокого погружения в сферы тонких энергий.

– ...ам плохо, сэр? – Наконец-то ко мне вернулась способность слышать. – Что с вами?

– Ничего, ничего... только не волнуйтесь, – я поспешил успокоить стюардессу, а также любопытствующих соседей. – Это всего лишь сон. Заснул, понимаете ли, а тут, как назло, кошмар приснился.

– Может быть, все-таки вызвать врача? Вы так побледнели, зубами во сне скрипели, и этот пот!.. – не унималась заботливая эйр-хостис. – Один из наших стюардов – дипломированный фельдшер...

– Вот глупая девчонка – пристала к парню, как банный лист к одному месту! – Сидевший в противоположном от прохода ряду мужчина поднялся со своего кресла с едва початой бутылкой виски в правой руке и стаканом в левой и, прихватив со столика стюардессы второй стакан, бесцеремонно плюхнулся на свободное место рядом со мной. Затем, как бы опомнившись, поинтересовался: – Не возражаете? – И, плеснув в трофейный стакан золотистой жидкости примерно на два пальца, протянул мне со словами: – Примите внутрь, молодой человек, это именно то, что в данный момент вам поможет лучше всяких микстур и таблеток.

Был мужчина невысок, кряжист, лет сорока или сорока пяти на вид, щеголял полированной, как бильярдный шар, головой. Вообще-то лысина была ему очень к лицу, и представить этого человека обросшим густой шевелюрой было весьма затруднительно. Говорил он по-английски недостаточно бегло, с ярко выраженным русским акцентом и время от времени запинался, подыскивая нужные слова.

Я машинально принял из его рук бокал и залпом осушил его. После чего вернул владельцу опустевшую тару и для удобства общения перешел на его родной язык.

– Премного благодарен, господин... Э?..

– Смирнов Иван Николаевич – предприниматель и в некоторой степени политик, – представился мужчина и, улыбнувшись по-детски открытой улыбкой, добавил: – На Смирновых, Ивановых и Кузнецовых вся Расея-матушка держится. Давай, паря, еще по маленькой врежем, иначе я среди этих надутых халявщиков, привыкших путешествовать по первому классу за хозяйский счет, и маменькиных сынков, получивших образование в разных там Оксфордах и Кембриджах, с тоски сдохну. Никак не возьму в толк, язвенники они все здесь, что ли, – даже на дармовщинку вмазать отказываются, все бубнят: «Сори, ай м нон-дринкен!» Знаем, какие они нон-дринкены – просто выпендриваются друг перед дружкой, а в Москве дорвутся до нашей прозрачной – за уши не оттащишь. Ты, земля, по какому делу в Туманный Альбион мотался? Если, конечно, не секрет. Я поначалу подумал, что ты также из этих гусей гамбургских, – Иван Николаевич обвел салон рукой с опустевшим стаканом и пояснил: – Эвон как по-англицки шпаришь, как по-русски.

– Ивэн Вериск – искусствовед, – в свою очередь отрекомендовался я и поспешил разуверить своего нового знакомого в том, что являюсь его земляком: – Извините, Иван Николаевич, но я родом не из России. Родился и вырос в Австралии, неподалеку от Мельбурна, а в Москве года два назад проходил стажировку.

Легенда о моих австралийских корнях была заранее мной проработана самым тщательным образом, поэтому даже коренной житель Зеленого континента не смог бы подловить меня на противоречиях. Сказка про австралийского ученого была очень удобна тем, что, представясь я, например, американцем или жителем какой другой европейской страны, существовала вероятность нарваться на какого-нибудь оголтелого шовиниста, относящегося не самым лучшим образом к представителям именно этого государства. А поскольку граждане Австралии из-за географической удаленности своей родины от разного рода международных свар и разборок мало кому успели насолить, относились к ним как в Старом, так и Новом Свете вполне лояльно. В чем я тут же смог убедиться:

– Австралиец? – слегка разочарованно пробормотал господин Смирнов, но тут же, исправив духом, заявил: – Не американец, и слава богу! – Затем доверительно сообщил: – Не люблю я этих америкосов и европейцев также не люблю – скользкие они все, неискренние. Пить понашенски не умеют, хотя насчет хваткости и деловитости им не откажешь, и еще... – Не закончив начатую мысль, мужчина махнул рукой и переключился на другую тему: – Плевать на них, Ваня! Ты – Ивэн, а значит, Ваня, и я – Ваня, выходит, мы с тобой тезки. Давай-ка лучше вма-

жем за знакомство, тем более, на австралийца ты вовсе не похож – скорее на какого-нибудь русского паренька из-под Калязина, Вятки или другого городишки... Помнишь, как там у великого поэта: «Если крикнет рать святая: «Кинь ты Русь, живи в раю!» Я скажу: «Не надо рая. Дайте родину мою».

Поэт был мне незнаком, но стихи очень понравились. За них мы и выпили. После третьей мы перешли на «ты», а через час задушевной беседы о том о сем бутылка весьма качественного скотча как-то незаметно опустела. Предложение моего нового знакомого продолжить банкет было мной с энтузиазмом принято. Осмотрев критически столик стюардессы, заставленный стандартными сортами виски и коньяка, Иван Николаевич брезгливо повел носом и барским жестом отпустил девушку, заявив во всеуслышание, что такое дерьмо даже злейшему врагу постесняется предложить. Несмотря на то, что сказано это было по-русски и весьма виртуозно сдабривалось изрядной порцией непечатных выражений, девица, несомненно, уловила общий смысл фразы. Обиженно поджав губки, она презрительно фыркнула и покинула салон вместе со своей тележкой.

Между тем неутомимый Иван Николаевич мигом слетал к своей ручной клади, извлек оттуда бутылку весьма недешевого «Хеннеси» и, плеснув в стаканы «по граммულке», громко провозгласил:

– За баб, Ваня! Куда же нам, мужикам, без них.

Поскольку это был уже третий тост за женщин, решили выпить, не вставая. Затем выпили за «Расею-матушку», за братскую дружбу между россиянами и австралийцами, за австралийских красавиц (сидя), за вывод американских войск из какой-то там совершенно незнакомой мне страны... Короче говоря, расслабуха получилась отменная...

Несмотря на количество и крепость принятого нами на грудь, к моменту посадки аэробуса в аэропорту Шереметьево я и мой новый приятель держались на ногах вполне сносно. Плечом к плечу, словно два бойца, идущих в одной шеренге, мы лихо сошли по трапу на бетон взлетно-посадочной полосы. При этом Иван Николаевич хорошо поставленным баритоном от всей души горланил: «И снится нам не рокот космодрома, не эта ледяная синева...»

Я хоть и не знал слов песни, но в меру своих скромных возможностей старался поддерживать солиста. Справедливости ради нужно отметить, что наш концерт на публике очень скоро закончился. К трапу подкатил бронированный лимузин. Из него выскочили двое дюжих молодцов в черных костюмах. Подойдя к нашей парочке, один из них очень вежливо обратился к моему новому знакомому:

– Здравствуйте, Иван Николаевич, с возвращением! Прошу проследовать в машину.

– Начинается, – недовольно заворчал господин Смирнов, – броня крепка, и танки наши быстры, в результате в уборную без охраны не сходишь. Веришь, Ваня, в собственном саду или доме шагу не ступить, чтобы не напороться на какого-нибудь ретивого гаврика из охраны, а коснись чего, шлепнут, как неразумного куренка, и никакие меры предосторожности не помогут. Не люблю я эту границу, но там хоть чувствуешь себя в относительной безопасности и по улицам можно гулять свободно.

– Обратная сторона власти и богатства, – глубокомысленно заметил я. – Приятно было с тобой познакомиться, уважаемый Иван Николаевич. Засим позволю откланяться, мне еще паспортно-визовый контроль проходить.

Однако мой новый знакомый не собирался меня так запросто отпускать.

– Ваня, плюнь на таможню и ментов, едем ко мне, посмотришь, как я живу! Познакомлю тебя со своим семейством. В баньке попаримся, с дороги еще вмажем по граммулке. А визу и прочие отметки в паспорте мы быстро организуем – сейчас пошлю одного из своих балбесов к главному здешнему начальнику, так он через пять минут сюда заявится со всеми необходимыми печатями и бланками. Поедем, Вань?

– Извини, Иван, но у меня на сегодня назначена очень важная встреча с одним из моих коллег. Может быть, как-нибудь в другой раз встретимся, а сейчас... прости, не могу.

На самом деле я покривил душой, ибо сегодня вовсе не собирался встречаться с кем-либо. Отговорку придумал на лету, поскольку имел довольно полное представление о том, что собой представляет российская «граммулька» и чем заканчивается ее прием.

Мужчина посмотрел на меня с некоторой укоризной и не без нотки сожаления произнес:

– Хорошо, Ваня, в другой так в другой, не смею настаивать. На всякий случай, возьми вот это, – он протянул мне свою визитную карточку со словами: – Ежели чего понадобится, звони без всяких церемоний.

Напоследок мы пожали друг другу руки. При этом мне показалось, что мой попутчик и собутыльник был не так уж сильно пьян. В очередной раз подивившись способности русского человека усваивать крепкие напитки в фантастических объемах, я поправил на плече свою дорожную сумку и направился ко входу в пассажирский терминал аэропорта. На ходу активировал эндокринную систему своего организма, чтобы дополнительная порция гормонов нейтрализовала избыточный алкоголь в крови и прочистила мозги, дабы представители местной власти не получили повода придраться к моей персоне.

До гостиницы «Арбат», что находится в Плотниковском переулке, неподалеку от знаменитого Старого Арбата, опытный таксист-частник домчал меня за какой-нибудь час с хвостиком, умудряясь заранее предугадывать и объезжать дворами и закоулками тягучие московские пробки. За феноменальную лихость он получил от меня бонус в размере ста процентов от оговоренной суммы.

Отпустив «лихача», я направился к главному входу в шестиэтажное кирпичное строение, внешним видом более всего напоминающее какую-нибудь фабрику или студенческое общежитие. Определенно не «Ле Меридиен Пикадилли», но по опыту прошлых визитов в Москву я смог убедиться в том, что именно этот отель более всего подходил для моих целей. Рядом Арбат с его экзотическими завсегдатаями-художниками, паразитирующими на ротозеях-туристах. К тому же до любой точки исторического центра можно добраться в течение часа даже на своих двоих. Но самое главное, совсем неподалеку, на одной из соседних улочек, находится потенциальный проход во вневременье. Активировав врата, я мог свободно покинуть этот мир и попасть в любую известную мне точку Межмирья.

Последний фактор был определяющим в выборе моего места обитания, поскольку за двадцать два года жизни под крылышком Учителя, кроме углубленного курса практической магии, абстрактной логистики, высшей метафизики и еще целой кучи другой зауми, я вывел для себя одну простую истину. И заключается она в том, что надеяться исключительно на свою силу – не что иное, как откровенная глупость, способная привести к фатальным последствиям. Поэтому под рукой у всякого ценящего свою жизнь авантюриста должна быть обязательно надежная лазейка, через которую можно ретироваться в том случае, если пресловутый жареный петух начнет клевать вас в интимные мягкие ткани, именуемые в просторечье задницей.

Несмотря на внешнюю убогость здания, внутри гостиницы было вполне уютно. Красивая девушка-администратор сноровисто сделала все необходимые отметки в журнале регистрации и с располагающей белозубой улыбкой вернула мне мой паспорт вместе с ключом от двери одноместного полулюкса со спальней и гостиной комнатами.

Поднявшись в свой номер, я первым делом извлек заветный флакончик с пилюлями концентрированной магической эманации и тут же – если можно так выразиться – употребил одну внутрь. Манипуляции по изгнанию вредоносного заклинания с борта аэробуса сильно подытожили мои запасы магической энергии. Необходимость «подзаряжаться» подобным образом поначалу здорово меня напрягала и заставляла чувствовать себя неизлечимым больным, жизнь которого находится в полной зависимости от наличия или отсутствия в ящике его стола упаковки с дорогостоящим и очень редким лекарством. Временами я даже просыпался посреди

ночи в холодном поту и вновь засыпал, лишь убедившись в том, что заветный флакончик находится на своем прежнем месте, что я не потерял его или его не спер какой-нибудь особенно искусный воришка. Постепенно страх прошел сам по себе. Я привык компенсировать запасы магической эманации и пользовался таблетками без прежнего внутреннего содрогания. Конечно, Земля – не один из магических миров, где ты окружен безбрежным океаном энергии, и пополнение ее внутри организма происходит на рефлекторном уровне, так же, как мы, например, дышим, ходим или чешем укушенное каким-нибудь плотоядным насекомым место. Однако и здесь есть зоны, где апейрон истекает из недр планеты хоть и тонкой струйкой, но вполне в достаточных количествах для того, чтобы хорошенько подзарядиться в течение двух-трех суток. Это открытие окончательно успокоило меня, поскольку теперь, если я даже и лишусь своего чудесного флакончика, не застряну навеки в этом измерении, а смогу свободно вернуться в один из магических миров.

После того, как пилюля с легким шипением рассосалась в моей руке, я почувствовал себя более уверенным. Мысли вновь вернулись к странному происшествию на борту авиалайнера. Чтобы лучше думалось, я упал в мягкое кресло и, замурив глаза, принялся анализировать ситуацию.

Вообще-то по своему характеру магическая мина на борту самолета мало чем отличалась от той, что сработала вчера в ресторане на Олд-стрит. Единственная разница заключалась в том, что в Лондоне была обыкновенная взрывчатка с электронным детонатором, а сегодня имело место заклинание, примерно девятого уровня сложности. Не ахти какая диковина – мне приходилось иметь дело с кое-чем значительно более серьезным, но, насколько мне было известно, даже самые продвинутые местные чародеи способны оперировать магическими формулами максимум второго уровня сложности. Навести порчу или сглаз, наложить любовные чары, создать несложный морок, излечить от телесного или душевного недуга, продиагностировать кармическую составляющую астральной оболочки человека – вот практически и весь недолгий перечень их нехитрых чародейских фокусов. Все это в магических мирах с легкостью проделывает кандидат на звание посвященного первого круга.

Однако все это лирика, а сермяжная правда жизни заключается в том, что на борту «А-320», следовавшего по маршруту Лондон – Москва, мне довелось столкнуться с кое-чем весьма удивительным и по большому счету не имеющим права на существование в этом мире. Сам я, хоть и пользуюсь среди коллег-чародеев вполне заслуженным авторитетом, находясь на Земле, стараюсь прибегать к своим колдовским способностям как можно реже и в весьма ограниченных объемах. Применять высшую магию к ничего не подозревающим обитателям Земли равнозначно тому, как если бы жители двадцать первого века, получив каким-то чудесным образом способность путешествовать в прошлое, начали его корректировать посредством своих современных штучек. Представьте лишь на минуту, на что способен всего лишь один мотострелковый батальон, сражаясь он на стороне Ганнибала во время Пунических войн? Или звено «Черных акул» против фаланги Александра Македонского? Слава Создателю, путешествия в прошлое – всего лишь досужие выдумки писателей-фантастов, но появление в этом мире какого-нибудь сумасшедшего мага из параллельного континуума – событие вполне допустимое с точки зрения элементарной теории вероятности.

Поэтому я, как полномочный представитель Гильдии в этом мире, обязан немедленно приступить к расследованию обстоятельств появления на борту самолета смертельно опасного заклинания. Дай боже, чтобы этим злоумышленником оказался какой-нибудь одиночка с маниакально-шизоидными наклонностями. Скорее всего, так и есть. Появление организованной группы психов, без зазрения совести попирающих Хартию, в принципе, маловероятно, поскольку маги в большинстве своем существа уравновешенные и к основному закону, регламентирующему нормы поведения чародейского сословия, относятся с большим уважением. Да и как тут не зауважаешь, если всякое небрежение к основополагающим уложениям, записан-

ным в Священной Хартии, чревато не просто смертной казнью, а частичным или даже полным развоплощением духовной сущности нарушителя. В принципе, сам я мог бы и не взваливать на свои плечи подобную обузу, но для этого мне пришлось бы отправиться в мир Аурениуса и сообщить обо всем в Высшую Надзорную Коллегию. Там, конечно, примут заявление к рассмотрению, но начнут футболить из палаты в палату, ссылаясь на то, что мир Земли не вписывается в общую схему магических вселенных, поэтому требует специального подхода. Короче, под разными предложениями постараются свалить ответственность на плечи другого ведомства, ибо бюрократ – в полном соответствии с местной поговоркой – он и в Африке бюрократ. А в данном случае не только в жаркой Африке, но и во всем остальном Межмирье. Пока высокие чиновники во все вникнут и примут решение, орудующий здесь маньяк может натворить таких дел, что потом всей нашей славной Гильдией расхлебывать придется.

Вообще-то обращаться в Надзорную Коллегию я не собирался, поскольку сообщать о наличии столь удивительного мира какому-нибудь третьему лицу, по большому счету, не имел права без одобрения Учителя. Однако перед тем как получить оное, мне придется слезно покаяться перед ним в том, что однажды, будучи еще его учеником, самым бессовестным образом внедрил в сознание спящего гуру и позаимствовал безвозмездно кое-какую информацию. «Простите, Учитель, готов загладить грех любым доступным способом! Разрешите чмокнуть вас чуть пониже спины?..» Да он после этого на меня такую епитимью наложит, что я лет двадцать как минимум лишь на него горбатить буду. Короче, как любит говаривать один мой московский знакомый Левочка Цукерман: «Оно мне надо?» Получается, куда ни кинь – всюду клин. А если конкретно – разгрести эту кашу предстоит не кому-нибудь, а мне и только мне.

Славно, очень славно! Получается, что моя сугубо частная поездка, по абсолютно не зависящим от меня обстоятельствам, плавно перетекает в детективное расследование, в котором главная роль отводится некоему Ивэну Вериску – вольному магу, а по совместительству – свободному художнику.

В ситуациях, подобных этой, более всего меня обычно гнетет состояние неопределенности, но, приняв решение, я отметаю прочь все сомнения и, подобно грозному барсу, смело бросаюсь... и так далее, и тому подобное, надеюсь, я выразился вполне внятно. Конечно же, немедленно срываться с места сломя голову я не собирался, поскольку для того, чтобы куда-то бежать, нужно по крайней мере знать точные координаты конечного пункта, иначе обогнешь Землю и ни с чем вернешься в точку старта. Вместо этого я попросту разомкнул веки, поднялся с кресла и посмотрел в окно.

Девять вечера, но долгий июньский день, как это обычно бывает в это время года, еще не собирается заканчиваться. Солнышко продолжает изливать свою щедрую благодать на пыльные московские улицы. Поток автомобилей заметно уменьшился. Пешеходы никуда особенно не торопятся – спокойно прогуливаются небольшими группами, парами или вовсе поодиночке...

Мое созерцательно-задумчивое настроение было прервано откровенно неэстетичным бурчанием в животе. Лишь теперь я вспомнил, что ел в последний раз часов пять или шесть назад, находясь на борту авиалайнера, потом, правда, очень много пил в приятной компании. Но вряд ли даже самое лучшее виски или коньяк способны заменить добрый кусок говядины с гарниром из жареной картошечки и зеленого горошка. К тому же я здорово соскучился по местному бородинскому хлебу.

Вообще-то мой Учитель старался воспитывать своих учеников в духе спартанского аскетизма. Благодаря его урокам, я вполне мог бы обойтись без сна и пищи довольно продолжительное время, и все-таки даже уважаемому мной Учителю не удалось окончательно искоренить во мне тягу к хорошей еде и выпивке. Несмотря на постоянную готовность терпеть лишения, я всегда старался ни в чем себе не отказывать. Поэтому, отбросив на время все прочие мысли, я скинул с себя пропахшую потом и дорожной пылью одежду и минут на десять уединился в

душевой кабинке. Находясь под хлещущими струями воды, еще разок провентилировал организм от остатков алкоголя и прочих свободных радикалов, отправляя их вместе с мочой прямо в сливное отверстие.

Еще через десяток минут я, заметно посвежевший, причесанный и переодетый во все новое, захлопнул дверь номера, не забыв положить ключ в карман брюк, рядом с кошельком, туго набитым местной валютой.

Глава 4

Жаркий летний полдень. Поросшее буйным разнотравьем поле, посреди которого вышашается раскидистый дуб. У самого подножия дерева сидят три абсолютно непохожих друг на друга существа: человек – светловолосый и голубоглазый мальчик лет десяти, облаченный в одни лишь шорты цвета беж, чешуйчатый хвостатый монстр – представитель расы разумных ящеров – демлаев, судя по зеленому цвету чешуи, также далеко еще не взрослая особь, и совсем еще молодой эгейл – полуптица-получеловек.

Шагах в пяти от этой экзотической троицы стоит седовласый старик в темно-синей робе мага, с белой как снег бородой, огромным крючковатым носом и глубоко посаженными серыми глазами, от которых, казалось, ничего не может укрыться. Пожилой мужчина вещает громким хорошо поставленным голосом, привыкшим отдавать команды, а троица ему внемлет, разинув рты, будто боясь пропустить не только каждое слово своего учителя, но и всякий его жест, казалось бы, не относящийся к теме лекции:

– Магия – это вам не сапожное или кузнечное мастерство, этому искусству невозможно обучиться, не имея внутри искры божьей. Впрочем, без таланта у вас нет шанса стать хорошим сапожником, кузнецом или каким другим мастером. Однако, не имея склонности к тому или иному ремеслу, вы можете худо-бедно тачать сапоги или ковать подковы и гвозди. С магией все намного сложнее. Сила либо дается нам от рождения, либо нет, но не каждый потенциальный чародей имеет возможность стать чародеем реальным или хотя бы воспользоваться частичкой своего таланта. Щедро одаренный природой индивид, как это ни печально, может прозябать весь свой век, выращивая зерно или подковывая лошадей, и не догадываться о своем магическом даре. Для того чтобы талант подобного свойства проявился и засверкал всеми своими гранями, рядом с его носителем должен постоянно находиться опытный учитель. Фигурально выражаясь: магически одаренное существо изначально представляет собой глыбу мрамора, и только мастер, оценив эту глыбу своим острым взглядом, может с уверенностью сказать, что на самом деле получится из этого куса мертвого камня. Он берет в руки свои инструменты и терпеливо, без излишней суеты начинает отсекал все лишнее, наносное. В результате на свет появляется величайшее творение скульптора, при виде которого всякое разумное существо восторженно воскликнет: «Оставь надежду!..» – Старец запнулся, интенсивно почесал голову, затем, проворчав себе под нос: – Впрочем, это, кажется, из Данте, – продолжил: – Итак, оно воскликнет, как воскликнул когда-то одуроченный Мефистофелем Фауст: «Остановись, мгновенье, ты прекрасно!»

Лектор стрельнул своими колючими, цепкими глазами в сторону слушателей, пытаясь подловить кого-нибудь из учеников на непочтительности к собственной персоне, но, не усмотрев в их действиях ничего предосудительного, немного успокоился. В большей степени он опасался насмешек со стороны мальчика-человека, которого он когда-то обнаружил в одном из медвежьих углов бесконечного Межмирья и выкупил за суший бесценок у его родного отца. Этой своей находкой старый мастер гордился более всего и при всякой встрече с коллегами-чародеями не упускал возможности похвастаться удачным приобретением и тем, как это приобретение, будучи еще несмышленным младенцем, освободило Ведьмин лес от древней магии Чокнутых Колдунов. «Этот выюнош, – любил говаривать гордый за своего ученика маг, – еще всем нам покажет, почем пучок петрушки в базарный день, – и добавлял, слегка насупив брови: – Ежели, конечно, не свернет себе шею раньше времени по причине своей феноменальной шустрости и врожденной безалаберности».

И вправду, причин опасаться за жизнь своего воспитанника у старика было более чем достаточно. Мальчишка обладал просто патологическим чутьем на опасность. И если кому-то другому это чутье помогает избежать неприятностей, этот так и норовил сунуть нос именно

туда, куда его менее всего следовало совать. Однажды он забрался в алхимическую лабораторию своего Учителя. Запугал едва ли не до смерти големов-сервов. Облил кислотой бесценную инкунабулу, за которую чародей отвалил бывшему ее владельцу целое состояние. Разгерметизировав автоклав, угробил нарождающегося гомункулуса, над которым его создатель трясся, как над собственным чадом. Кроме того, побил кучу дорожной посуды, изготовленной из магически модифицированных стекла и фарфора. Короче, всего не перечислишь. Когда старик вошел в лабораторию, его едва не прихватил кондратий. Пришлось с горя тяпнуть пару рюмок «аква виты» – девяностопроцентного этилового спирта, изготавливаемого особым способом из перезрелых ягод хуш, растущих исключительно в экваториальных топях измерения Занга...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.